

Мацеста

1

Свет сквозь зажмуренные веки становился оранжевым, и при желании можно было сильно зажмуриться и сделать его темно-красным. Южное сочинское солнце свободно проникало под кожу, и казалось, расплавляло все внутри, превращая раскинутое на пляже тело в теплое, бронзовое желе. Голова приятно гудела, как от расслабляющей процедуры, и через несколько минут жесткая, крупная галька под разморенным телом уже не доставляла неудобств. Я был абсолютно счастлив, как мог быть счастлив девятнадцатилетний московский курсант в августе 1978 года посреди теплого черноморского пляжа города Хосты, наслаждаясь честно заработанным отпуском.

Сочи-Хоста, 2000-е годы. По материалам Интернета

Я повернул голову и приоткрыл глаз. Ослепляющий свет неоновой голубизной резанул зрение, и прошло еще секунд десять, когда я смог что-то разглядеть в окружающем меня мире. С изображением вернулся и звук, и голова наполнилась привычным гулом ласкового морского прибоя и шумом сочинского пляжа – неповторимой смесью детских криков, смеха, разговоров и пищанием маленьких приемников-транзисторов многочисленных пляжников.

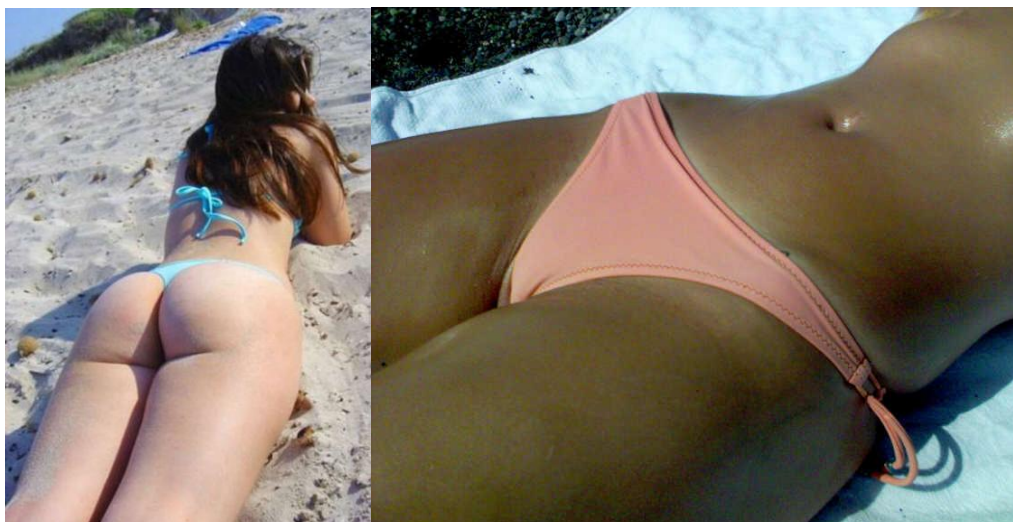
Возле моего лица, на стареньком синем покрывале покоилась женская соломенная панاما, из под которой небрежно выбивались светлые волосы. Я опустил глаза, и увидел то, что и хотел там увидеть – молодое женское тело, символически прикрытое тонким бикини, в классической позе пляжной медитации: навзничь с слегка разбросанными в стороны руками...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета.

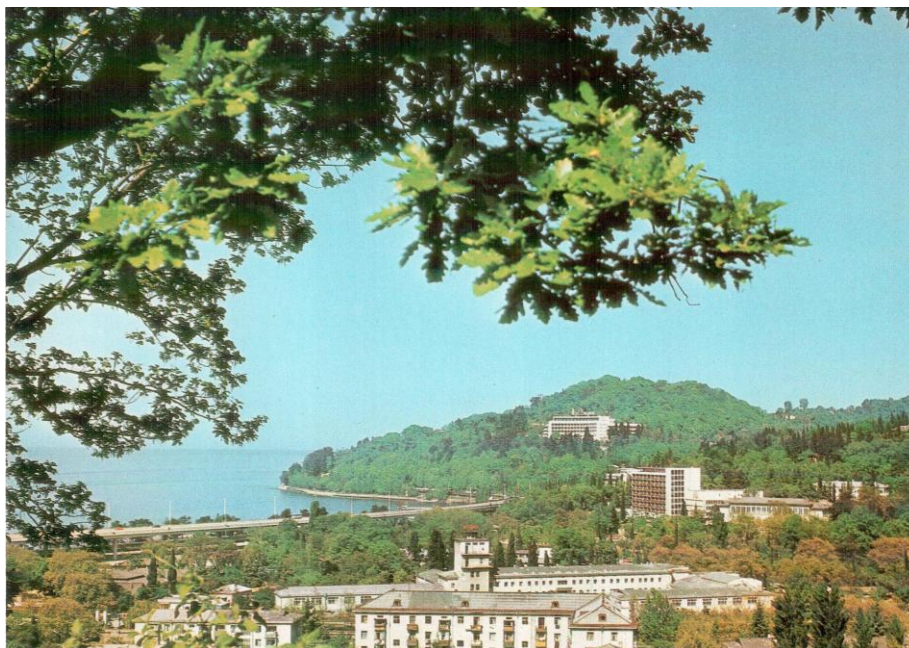
Вы когда-нибудь замечали как загорают молодые женщины, одинокие, без шумной компании или многочисленной семьи? Путешествие на пляж осуществляется по строго писанному ритуалу женского инстинкта, который, если признаться, вполне простое действие превращает в весьма привлекательное шоу. Если вы предложите девушке раздеться в публичном месте, то даже сейчас, времени гораздо более бесстыдном, чем славные 1970-е, многие воспримут это за оскорбление. Раздеваться же на пляже вполне естественно, но это надо было делать красиво.

Сначала на пляже подбиралось место, стратегически правильное, с точки зрения обладательницы молодого тела. Если был выбор, то девушки выбирали место открытое для хорошего обзора, с которого можно было на расстоянии оценить претендента и принять соответствующее положение и показать себя в лучшем свете. По возможности вокруг не должно быть шумных, надоедливых детей, которые могут помешать важному (кто знает!?) разговору. Когда место выбрано, и полотенце аккуратно разложено на существующую поверхность пляжа, (читай: золотой песок, острая галька, зеленая трава, неудобный бетон или просто – пыльная дорога вдоль водоема), начиналась главная часть ритуала, при которой вся скучающая часть мужского населения пляжа в радиусе 50 метров «невзначай» наблюдало одинокую женскую фигуру, торжественно сбрасывавшую одежду.

С обиженно-скорбным лицом, как будто выполняя печальное, но необходимое действие, женщина распрямлялась, и, не смотря ни на кого, как будто дело происходило в личном будуаре, начинала раздеваться. «Королевский стриптиз», как называла пляжное разоблачение моя сочинская подруга, вещь весьма безобидная, и чаще всего заключалась в сбрасывании легкого халатика, под которым был купальник, однако, девушки делали это так, как будто прощались каждый раз со своей невинностью. И упаси вас приблизиться или заговорить с юной феей в этот сложный психологический момент! Почти наверняка вас встретят грубостью или вообще проигнорируют. Оставшись в купальном наряде, красавица деловито располагалась на своем ложе, вероятнее всего на спине, кокетливо сгибала колени и томно закрывала глаза, всем своим видом давая понять, что шоу на сегодня закончено. На любом пляже вы всегда найдете одинокую фигуру, растянувшуюся в полный рост в состоянии глубокой медитации, предоставляя всем желающим наслаждаться видом спокойного, пляжного блаженства.

Минут через десять вы можете подойти и даже заговорить, при этом лучше стоять в полный рост, а не плюхаться рядом с дежурными пляжными шуточками, чтобы обладательница бронзового тела смогла вас оценить, как есть. Разговаривая с интересным собеседником, ваша новая знакомая обязательно перевернется на живот, но окончательным сигналом к общению будет новое изменение позы, когда девушка примет более вертикальное положение, более удобное для внимательного человеческого общения...

Хоста, 1978 год. По материалам Интернета.

... Мое знакомство с изящной светловолосой блондинкой, Ириной А. из Ленинграда, произошло не на пляже. Знаменитый советский курорт предлагал весь набор незамысловатых развлечений для отдыха трудящихся, включая вполне безобидные танцы по вечерам на нескольких освещенных танцплощадках. Под тенистыми кронами по-вечернему благоухающей субтропической зелени вокруг курортных танц-точек можно было встретить самую разнообразную публику. Нарядившись и причесавшись, сюда стекались многочисленные обитатели богатых ведомственных санаториев, разбросанных по горам хостинской золотой бухты, люди старшего поколения, солидные и сдержанные; молодые шалопаи из туристических групп альпинистского направления и многочисленные обитатели съемного жилья – знаменитые *дикари* потребители «*койки за рубль*», роскоши весьма дорогой по тем временам, но единственно доступной в разгар южного кавказского сезона.

Последняя группа курортников была весьма пестрой, среди которой можно было встретить и весьма солидных людей, не доставших вовремя горящих путевок, и многочисленные семьи, и замечательный отряд одиноких молодых женщин совершенно разных по форме, возрасту и содержанию, но объединенных одним большим и благородным желанием – найти свое счастье. Закрутить хороший курортный роман считалось делом совсем не зазорным, и устоять от соблазна в райском субтропическом уголке Сочи под названием Хоста удавалось немногим.

Летом 1978 года я несколько легкомысленно посчитал себя совершенно свободным от каких-либо личных обязательств. Мой невинный школьный роман со сверстницей в Москве вряд ли был серьезным препятствием к южным любовным приключениям, к тому же был в полной безопасности, ибо моя подруга ехать со мной вдвоем (!?) решительно отказалась. Что ж, путь был свободен, и передо мной лежал целый мир, полный острых ощущений и прекрасных загорелых женщин!

Сочи, санаторий «Заря», 1978 год. По материалам Интернета.

Курортный роман, выведенный в современном сознании людей из разряда грехов, был и раньше делом вполне обычным. Дело в том, что советская, достаточно однообразная, размеренная жизнь во многих городах и весях не предлагала жителям СССР в 1970-х большого разнообразия. Приехав на Кавказ, вполне обычные советские труженники оказывались очарованными красотой южной природы, запахами цветов и ласковым морем, и начинали понимать, что в жизни есть еще кое-что. Свободное время, хорошее питание и профилактические процедуры целебными водами источников Мацесты делали чудо: совсем еще не старые и просто уставшие от серой действительности жизни люди расцветали. Независимо от возраста, женщины становились удивительно привлекательными в простых летних платьях на загорелых телах, мужчины подтягивали животы, были бодры и галантны, и волшебные тропические вечера у теплого моря наполнялись тихим женским смехом, приятными разговорами и атмосферой всеобщей любви, отказаться от которой не мог никто. В течение короткого курортного отпуска, в вечные 24 дня, на берегах Черного моря каждый год заключалось столько коротких союзов, что их хватило бы на пол-страны... но, это было только на 24 дня, если вам повезло, и вы нашли себе пару в начале вашего отдыха.

Браки? Почему бы и нет! Знакомства на курорте вполне могли быть крепче обычных. Любому понятно, что узнать человека на курорте, в прямом и переносном смысле раздетого, можно намного лучше, чем познакомиться с ним на улице холодной, слякотной Москвы или Ленинграда. На отдыхе человек, как на ладони: вы с ним и днем и ночью, разделив все сладкие радости и объективные неудобства простого быта пляжного «дикаря». Однако, чаще всего курортные романы не имели продолжения и оставались самым приятным воспоминанием для его участников, которые на берегу теплого моря удачно занимались «лечением органов движения», как метко было сказано в русско-народном фильме «Любовь и голуби», посвященном, как раз, южному отдыху...

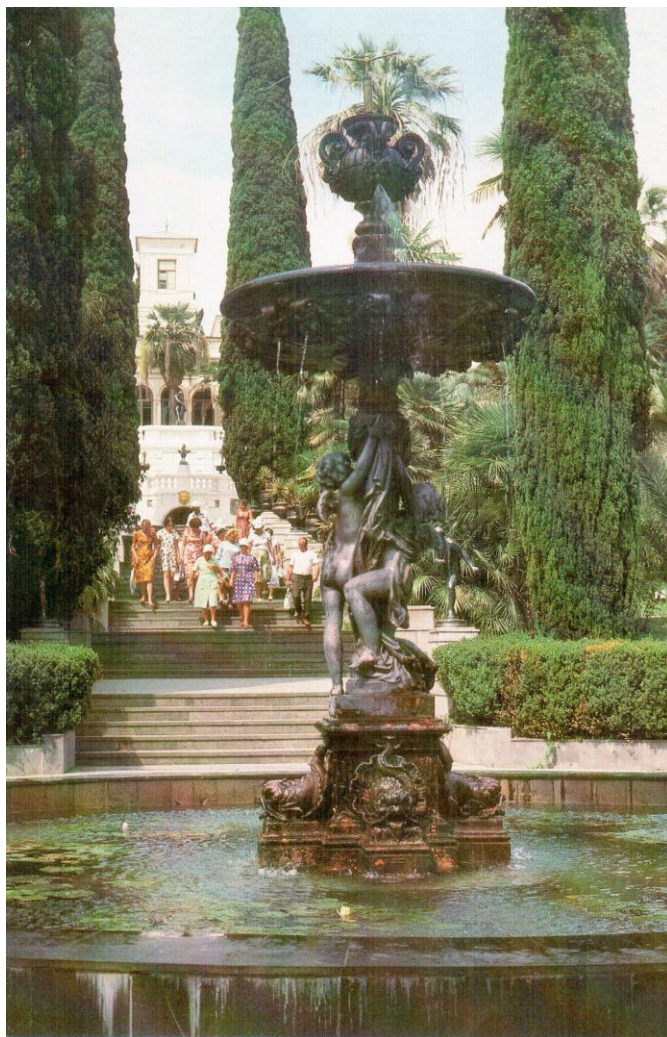

Хоста, 1978 год. По материалам Интернета

Молодежи в Хосте было много. Девушки-курортницы, приезжавшие на Кавказ в основном по двое, селились в комнатах на тенистых склонах городка в многочисленных хибарах-домах, под строгим учетом курортных властей. Выдавая лицензию на сдачу жилья, городские власти оставляли за собой право поздней ночной облавы в присутствии милиционера, во время которой все обидатели съемного жилища будились, как в казарме, и считались по головам. Именно «по головам», ибо лицензия квартиросдатчика выдавалась на количество жильцов, перекрывая доступ к нелегальным доходам хозяев. Властей умышленно не интересовала моральная сторона дела, и разбираться «кто у кого в гостях неожиданно заночевал» оставляли самим хозяйкам дома, сплошь состоявшим из крепких женищин-хохлушек. Стандартной паре девчонок-курортниц обычно сдавалась одна комната со своим входом и ключом и страшным наказом – никаких мужиков! Любая ночная компания более двух человек грозила хозяйке штрафом, крупной взяткой и потерей доверия, после которой съемщицы вылетали на улицу.

Если ночная облава обнаруживала в комнате счастливую парочку в состоянии любовного экстаза, то их просто оставляли на расправу хозяйке, расправу короткую и жестокую, как расстрел – моментальное выселение, что в разгар сезона означало отправку на вокзал с чемоданом до ближайшего поезда домой, потому что новое место найти было почти невозможно. Если жертва находилась в разгаре самого романтического приключения своей жизни, то у нее была прекрасная возможность узнать своего партнера, пуститься в рискованные путешествия по горам в поисках горских селений, или просто тихо спуститься к морю и утопиться, если партнер послал ее куда подальше вместе с коммунальными трудностями знаменитого советского курорта...

Хосту я знал хорошо. За год до описываемых событий, в свои восемнадцать лет, я провел 26 незабываемых дней в этом замечательном месте и хорошо ориентировался в темных аллеях, освещенных яркой луной. Как и в прошлый раз, я был отлично устроен, отдыхая по «курсовке» - облегченному варианту санаторного лечения. Советское государство предоставляло гражданам возможность лечиться и отдыхать, не проживая в закрытых, строгих санаториях. Питание и лечебные процедуры были оплачены, а койка, за которую я платил сам хозяйке, предоставлялась в крепком испокомовском фонде – городских квартирах со всеми удобствами, что было очень хорошо, однако, экзотические мандарины на мою спящую голову в саду не падали. Подобное счастье досталось мне по старому знакомству моей бабки, и я навсегда благодарен хозяйке хостинской квартиры – древней русской аристократке, которая брала с меня символическую плату и наказала представляться ее племянником из Москвы...

Сочи, 1978 год. По материалам Интернета.

... Я протянул руку и коснулся золотистых волос на светлой, бронзовой коже и почувствовал, как по красивому телу пробежал невидимый импульс, выводя хозяйку из состояния блаженного полусна. Шляпа приподнялась, и на меня уставился смешливый глаз.

- Мда-а-а? – вопросительно прозвучал голос. – Мы заскучали...

Ирка коротким кошачьим движением перевернулась на живот, и теперь на меня из под шляпы смотрели два насмешливых глаза.

- Товарищ отдыхающий, вам на *мацесту* не пора? – с издевательской ноткой спросила девушка, на что отвечать мне было нечего, ибо на *мацесту* я был готов всегда.

Ирина была на Кавказе в первый раз, но мы свободно общались на языке местных курортных символов. Применение вод замечательного целебного источника Мацеста, обязательная врачебная процедура при многих показаниях, было делом длительным, и на языке курортников означало отсутствие человека в течение нескольких часов. Когда находчивые отдыхающие стали использовать это время на более лирические отвлечения посреди бела дня, кавказская *мацеста* стала означать некое подобие «сиесты», которая в разговорном языке Испании имеет некое двусмысленное значение, и иногда означает то, что в английском означает «квики».

Сочи, санаторий «Мацеста», 1978 год, По материалам Интернета.

Девушка вытащила из пляжной сумки часы и ахнула.

- Ой! Уже час дня! У тебя же обед, собирайся!

- Да, ну, его! Не пойду, лучше с тобой загорать буду...

Однако, это не подействовало, Ирина решительно села и стала собирать свои вещи в сумку.

- Ничего, я с тобой пойду, подожду на улице! Тебе хорошо есть надо.

Потрясающая забота о моем питании мне льстила, однако, допустить, чтобы моя драгоценная любовница топталась на раскаленной улице, пока я лениво поглощал горячий обед, я, естественно, не мог. Она не отступит, в этом я был уверен, и мне предстояло снова разлучиться на какое-то время, пока Ирина и ее ленинградская подружка Лена искали пропитание в уличном общепите.

Сочи, вокзал, 2000-е годы. По материалам Интернета

Питание привилегированных курсовочников города Хосты осуществлялось с царским комфортом. Большое старое здание находилось прямо у городского пляжа, в прохладном зале которого было хорошо даже без кондиционеров. Вежливые официантки обслуживали быстро, без суеты, вежливо осведомляясь придут ли отдыхающие вечером на ужин. Публика за столиками была самая разная, в основном в возрасте, которым по медицинскому предписанию отдых был прописан именно в тех местах. Качество еды было отменным, однако, часть мест пустовало, ибо выдержать трех-разовый марафон к пляжу было трудновато. Особенно пусто было за ужином, когда добрая половина курортников отдыхала «по собственному плану», в который входили не только городские бары и рестораны, но и отдаленные поездки на концерты в центр Сочи или просто «лечебные» прогулки в сторону темного пляжа с хорошей знакомой и бутылочкой доброго кавказского портвейна, и, увы,

цинично сташенного из санаторного корпуса, синего, байкового одеяла. *(Проклятая галька!)*. Официантки никогда не ворчали по поводу неявки курортников, и лишь вежливо просили предупредить, если возможно.

За столами царили мирные разговоры, вполне соответствующие моменту, люди спокойно обменивались подробностями лечения и обычно расхваливали местную курортную терапию. Трудно сказать, что больше помогало – хорошая компания или воды мацесты, но помогало всем. В общем, если бы не жара на улице и жесткий график нашего отдыха, то я бы ходил в шикарный обеденный зал чаще. Курсовочные беседы за столом хорошо показаны в замечательном советском фильме «Из жизни отдыхающих» с Роланом Быковым...

Кавказ, 1970-е годы, по материалам Интернета.

... Я опять пропустил завтрак. Когда я с трудом очнулся в своей комнате было уже время обеда. Две приятные, немолодые дамы – мои соседки по курсовочному столу – уже были на месте и с интересом посмотрели на меня, когда я блаженно уселся на стул перед тарелкой с закусочным винегретом.

... Сереженька, вы еще не познакомились ни с кем? Да? Ну, ничего. Ваш отпуск еще только начинается...

...Ездили в Сочи? Ну, и как? Опять никого... Ну, ничего, еще повезет...

Мои соседки деликатно интересовались моими успехами на личном фронте, прекрасно понимая, что один я не останусь. Пожилые интеллигентки, сами опытные курортницы, внимательно присматривались ко мне и ненавязчиво желали удачи. Общаться с ними было легко и приятно – они называли меня уменьшительным именем, давали деловые советы по поводу экскурсий и просвещали меня по поводу загадочной мацесты. О которой все говорили вокруг.

...Ну, вам, Сереженька, это вряд ли нужно...

Про третьего соседа говорили мало, пожилой мужчина часто пропадал и мои собеседницы только вздыхали.

...К сожалению, ему действительно нужна маэста...

... Я блаженно уселся на стул и приготовился к «допросу», потому что мои милые дамы одновременно опустили вилки и посмотрели друг на друга. Я все-таки надеялся, что у меня на роже не написана радость старой девы, потерявшей невинность, однако, вероятно, я был неправ. Высокая дама лукаво взглянула на меня и утвердительно кивнула.

- Сереженька кажется встретил кого-то.

Смущенная улыбка идиотского счастья расплылась по моему лицу, но я промолчал, увлеченный куском селедки на краю бордового винегрета. Дамы выдержали паузу и, переглянувшись, продолжали.

- Ну, он нам потом все расскажет, она, должно быть, очень хорошая девушка...

- Ну, они должны еще хорошо узнать друг друга!..

Женщины удовлетворенно улыбнулись и деликатно оставили меня наедине с принесенным горячим борщом, в середине которого белым айсбергом плавала ложка сметаны.

«Расскажет!... узнать!...» Подробности бурной ночи, проведенной в темном парке вряд ли подходили к застолью, а знал я о своей новой знакомой, мягко говоря, маловато...

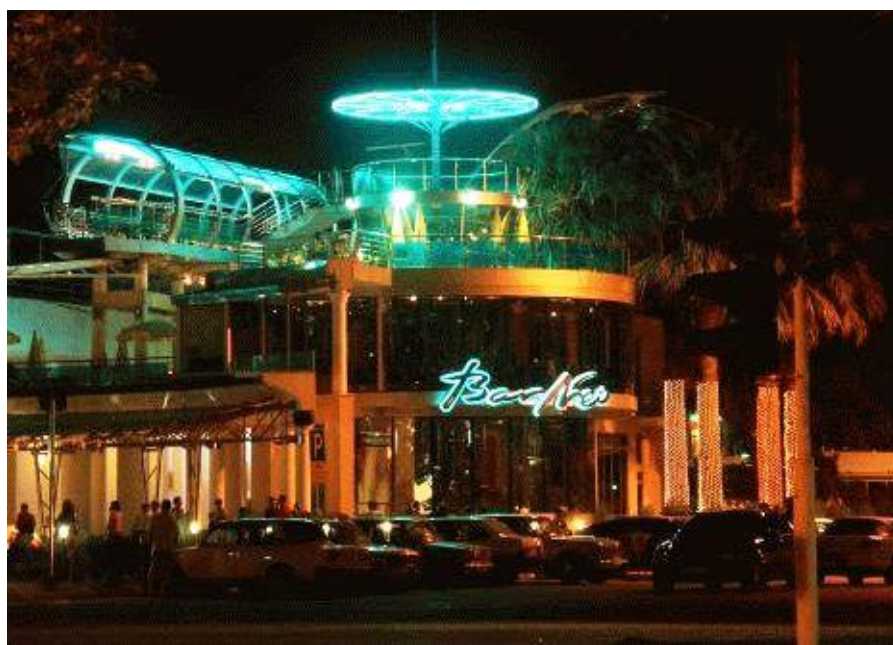

Сочи, 1980-е годы, По материалам Интернета.

Я твердо знал, что мне было нужно. Отпуск 1977 года, мой первый курсантский отпуск вдали от дома, научил меня многому. Для полного отпускного счастья нужна была подруга, надежная, нетребовательная и симпатичная. Небольшие деньги, которое все курортники привозили с собой, лучше было тратить вскладчину, от этого расходы на развлечения уменьшались, и денег оставалось больше. Но, главное не деньги, главное – подходящая курортная пассия, которая приехала поваляться на солнышке вместе со мной в тех же числах, и тогда гармония двух одинаково загоревших тел будет видна невооруженным взглядом. Год назад мне повезло, и я быстро встретил подходящую во многих отношениях девушку, и мы уехали из Хосты в свои города одновременно, оставив в памяти только приятные воспоминания.

В этом сезоне дело шло медленно. Я добросовестно обходил все бары Хосты за один вечер, (что было не очень хорошо для одинокого бюджета), знакомился по четыре раза в день – но все было не то. Я даже съездил на знаменитые сочинские «Поющие фонтаны», известные в простонародье, как «пьющие», и умудрился в полной темноте ночного катера пристать к странной женской компании, которая при свете фонаря повернулась ко мне такими лицами, что я долго бежал вверх от городской пристани, спотыкаясь на высоких каблуках, громко матеря себя за конфуз. Что же, всем жить хочется!

Я пробовал себя на поле более старшего поколения и даже попался на удочку весьма профессиональной группы молодых девиц, развлекавших себя ловлей незадачливых мужиков. Компания из четырех скромно одетых, с понурым взглядом, невинных красавиц тихо сидела в углу бара, растягивая недорогие напитки. Подгулявшие посетители быстро попадали на крючок, девки ломались, не пили, назначали свидание по своему выбору, на которое не приходили. Таинственная компания просто растворялась в маленьком городе. Через пару дней я сам увидел всех четырех на центральном месте в ресторане, шикарно одетых, ярко накрашенных, хохочущих за богатым столом, и только с трудом узнал в них тихих, провинциальных «мышек», одна из которых что-то плела мне про *честь* в тенистой парковой аллее. Хорошо, что у меня *грабить* было нечего!

«Поющие фонтаны», Сочи, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Прошло ровно четыре дня, и мой отпуск подходил к критической дате, после которой любые романы грозили трагедией расставания в самом разгаре любовного азарта. В конце своего обычного вечернего обхода злачных заведений, который моя знакомая называла - «по ленинским местам», я отправился на городскую танцплощадку, просто так, на всякий случай. Было поздно, народ уже стал расходиться, но музыка звучала, и под тенью южных деревьев еще видны были отдыхающие. Танцплощадки Хосты в те времена не пользовались популярностью у малочисленного на курорте местного населения, и женщины спокойно приходили туда, не опасаясь встретить там навязчивых кавказских «хачиков». В ярком свете ламп на «арене» прыгали какие-то подростки и пожилые пары скромно топтались ближе к тенистым обочинам. Окинув взглядом малоперспективную культурную «точку», я уже собрался уходить домой, когда под центральным деревом, точно на том же месте, где я встретил свою знакомую год назад, я заметил две женские фигуры, наполовину спрятанные в густую тень. На площадке крутили что-то танцевальное из репертуара «Бони-М», и я воспользовался случаем и подкатил к незнакомым девицам.

Музыка 1970-х.

Даже при неярком освещении было видно как высокая, статная девчонка в летнем, ярком платье была хороша. Фигура Венеры, толстая, русая коса и, увы, богатырский рост «на гвардейца»... Я сожалением почувствовал, что если с меня снять мои знаменитые платформы с восьмисантиметровыми каблуками... Да, черт с ней, хоть потанцуем!..

- Разрешите вас пригласить!

Девушка замедленно реагировала, когда сбоку, из темноты раздался приятный женский голос.

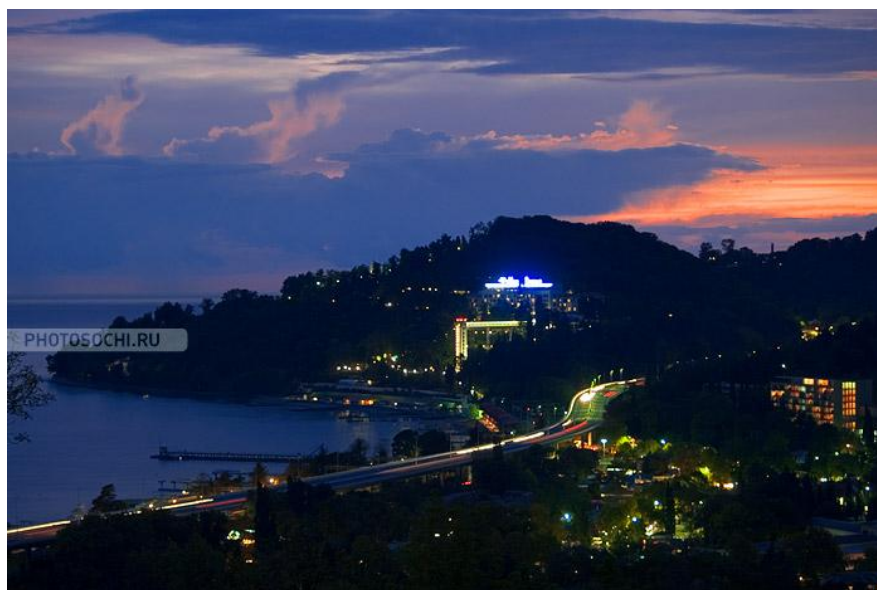
- Да, конечно.

Передо мной возникла изящная, молодая девушка, стоявшая в тени. Мелькнули светлые волосы до плеч, тонкая талия, затянутая в сиреневый батник и модные клешеные джинсы, и я, сам не поняв как, оказался на площадке. Я моментально забыл про странноватую красавицу в платье, и мы радостно танцевали с незнакомой блондинкой под модную, ритмичную мелодию. Танцы менялись быстро, и, вероятно, по просьбе трудящихся, два быстрых танца сменялись двумя медленными, что делало общение удивительно комфортным. Вынужден признать, что за три минуты медленного танца можно

только познакомиться с девушкой, но за шесть минут можно было уже о многом договориться!

Снова пошло *диско*, но мы остались в парном танце, увеличив темп до умеренного, импровизированного рок-н-ролла. Незнакомка танцевала хорошо. Она чутко чувствовала партнера, умело дополняла мои движения и смело брала инициативу, чувствуя каждое мое движение. «Ого!», подумал я, когда девушка лихо крутанулась на каблуках и, завернув мою руку вокруг своей талии, откинулась назад в стиле танго. Мы засмеялись, партнерша раскрутилась назад, и я решительно предложил ей *исчезнуть*. Ирина, как звали мою партнершу, откинула волосы быстрым движением, посмотрела на меня блестящими глазами и просто сказала: «Сейчас». Я посмотрел вслед так неожиданно возникшей блондинке с тонким профилем, напомнившим мне хриплоголосого Криса Нормана из группы «Смоки», и вдруг почувствовал, что мне повезло. Но, как мне повезло, я еще не предполагал!

Переговоры подруг были неожиданно короткими, обычного «балласта» в виде надутой, недовольной подружки на горизонте не оказалось, и мы с Ирой быстро оказались на пустынных, полутемных аллеях Хосты, еще не остыв от зажигательных танцев. Наступило мое время! Я, как обычно, нес какую-то чушь, философствовал, в полной уверенности, что именно это и было нужно женщинам. Моя знакомая молча слушала, односложно отвечала тихим голосом, и через некоторое время я стал беспокоиться за успех своего наметившегося романа. Я остановился посреди аллеи, известной под названием «бродвей», привлек к себе спутницу и поцеловал. Гибкое тело слегка напряглось, и я почувствовал, как тонкие руки крепко обняли меня за шею. «Уже лучше!» подумал я, но решил не ускорять события. Девушка продолжала молчать, задумчиво шагая со мной под руку, и я снова прервал ее молчание долгим требовательным поцелуем.

Хоста, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Ради исторической правды автор должен честно признать, что последующие события восстановить весьма сложно, ибо происходящее слилось в моей памяти в одну яркую полосу блаженства. В ночной темноте, в приступе самодовольного трепя я легкомысленно пропустил приближение настоящей

бури, которую я никак не ожидал. Девушка неожиданно оказалась передо мной, резко обернулась по сторонам, схватила за воротник моей драгоценной синей рубашки, (сам Леонид Филатов в такой в «Экипаже» снимался!), и, ни слова не говоря, со всего размаху бросила меня к ближайшему дереву. Острый, невидимый в темноте сук, больно впился в спину, но этого я почти не почувствовал, потому что получил такой поцелуй, от которого чуть не задохнулся. Ирина убедилась, что неожиданное проявление ее страсти сработало отлично, схватила меня за руку и потащила в боковые темные аллеи, и я только поблагодарил судьбу, что хостинские парки я знал отлично...

Хоста, ночной парк, 2000-е годы. По материалам Интернета.

...Я шел на пляж, продолжая размышлять над вопросами своих дам-курсовочниц. Толком я ничего не знал про свою ночную знакомую: ленинградка, приехала с подружкой на море, снимает комнату, разведенная, кажется, с ребенком... А, все равно, хорошая девчонка! Лишь бы не потерялась.

Было поздно, утренние пляжники уже расходились, и чем ближе я подходил к морю, надежда снова увидеть Ирину таяла. Девушки никогда в Хосте не были и условленное место на пляже могли просто не найти. Какого же было мое облегчение, когда точно, где и предполагал, возле левой бетонной стены полуопустевшего городского пляжа, на голубом одеяле, покоились две неподвижные фигуры – одна побольше, другая поменьше. Белые, незагорелые тела в бикини лежали неподвижно, лица закрыты шляпами, и я не удержался, чтобы подробно рассмотреть своих знакомых.

Молодые, пропорциональные фигуры почти полностью повторяли друг друга, и, если не считать статный рост подружки Лены преимуществом, то можно было считать внешность девушек очень похожей. Но, как известно, высокий рост при хорошей форме и правильном лице привлекает всех, и, если

признаться, мне потребовалось некоторое время, чтобы перестать обращать внимание на молчаливую, как тень, длинноволосую красавицу.

Я подошел к незагорелым пляжницам, сел на гальку и поздоровался. Ирина сдвинула соломенную шляпу и села. Большие темно-голубые глаза пристально посмотрели на меня, и я почувствовал, как невидимый импульс со скоростью света проник в мою голову, пробежал по уголкам, словно проверяя что-то, и также быстро убежал обратно. Девушка облегченно улыбнулась, и я ощутил, как ее тело моментально расслабилось гибким, неуловимым движением.

... Да, мы тоже только пришли...

... Ну, да, мацеста, конечно, отдыхаете... в парке по вечерам!.. Ха-ха..

... Нет, ну, почему же, можно и погулять, конечно, если спину не сломают снова!.. Ну, откуда же помнить-то! Луной восторгались!...

Я повернулся покрасневшей на солнце спиной с удовольствием слушая иркины причитания, ощущая на спине прикосновение тонких пальцев.

... Ой! Больно, наверно! Да, как же я, вот.... так мужика и убить можно. Вот, тоже! Разыгралась!... Все, пойдем в аптеку, надо купить что-нибудь..

«В аптеку!... Купить!.. Ломать спину не надо, а аптеку мы лучше в парке сегодня посетим.» Я закрыл глаза, слушая милый, негромкий, смешно причитавший голос, и неожиданно почувствовал, как моя тихая, невинная юность растворяется в остывающем вечернем море...

Сочи в 1970-е и сейчас. По материалам Интернета.

Последующие дни пляжного отдыха я бы с большей уверенностью назвал свалившимся мне на голову медовым месяцем. Трудно сказать, что было приятней: страстный, всепоглощающий секс по ночам или дни, проведенные в компании моей подруги, которые и внешне и внутренне больше походили на отдых добропорядочных супругов. Незнакомые люди принимали нас за

молодоженов, и через некоторое время мы перестали отказываться, лукаво кивая в ответ на комплименты.

Хоста – городок маленький, и даже в разгар сезона многие лица становятся знакомыми. Через некоторое время к нам привыкли, другие пары по-старше здоровались с нами на тенистых улицах, с нами с удовольствием знакомились в ресторане и заговаривали в баре. Мы стали частью маленького курорта, где такие же, как мы, еще вчера пугливо-незагорелые, наслаждались приятным обществом и замечательным местом. Все окружающие выглядели такими радостными и доброжелательными, что иногда мы забывали, что все это, по большому счету, игра.

1970-е годы. Фото из серии «Сочи – советский Лас-Вегас». По материалам Интернета.

...Красивую, интеллигентную пару средних лет мы заметили давно. Они, как и мы, проводили часть дня на пляже, а по вечерам, как многие, ходили на концерты и прочие сочинские увеселения. Оба сухощавые, в очках, они удивительно были похожи внешне и, судя по всему, внутренне, доказывая всем своим видом, что гармония в браке возможна на все сто.

Оказавшись за одним столом в хостинском ресторане «Лотос», мы быстро познакомились, однако, новость, что мы не молодожены, а всего лишь знакомые, восприняли без всяких эмоций. Разговор шел непринужденно, мы смеялись, шутили, поднимали тосты за отпуск, (в Хосте не принято было пить «за любовь»), над чем-то шутили, когда разговор как-то сам свернул к делам домашним.

...Ну, вот, Владимир Александрович вернется домой в Новосибирск, да, и мне домой скоро...

...А, вы,...разве не..?

...Ну, что вы, дорогая! Владимир Александрович у нас сибиряк! А, я в Киеве живу, у нас свои семьи..

Красивая, подтянутая дама в бордовом платье весело посмотрела на Ирину, которая потерялась в неловкой ситуации. Краем глаза я увидел, что от смущения девушка спрятала лицо, и сосредоточенно рассматривала ресторанный бифштекс, которым она никогда не была довольна. Пока я переваривал маленькую сенсацию, Владимир Александрович поднял бокал и предложил тост за хорошие встречи, которые дарила нам судьба. Мы радостно присоединились, ибо в той ситуации это было самое правильное...

1970-е годы. Фото из серии «Сочи – советский Лас-Вегас». По материалам Интернета.

...Мои соседки по курсовой столовой, которую я стал посещать преступно редко, были мной довольны. Наконец-то я был в надежных руках!

- Вы, знаете, а мы видели вчера Сереженьку с его девушкой!

- Что вы говорите! Ну и как?

- Они очень красивая пара.

- Я так и думала. Где же вы их застали?

Круглая дама смешно улыбнулась и посмотрела на меня. Я продолжал жевать, с интересом ожидая рассказа. Я больше не смущался и испытывал настоящую гордость за свою курортную популярность.

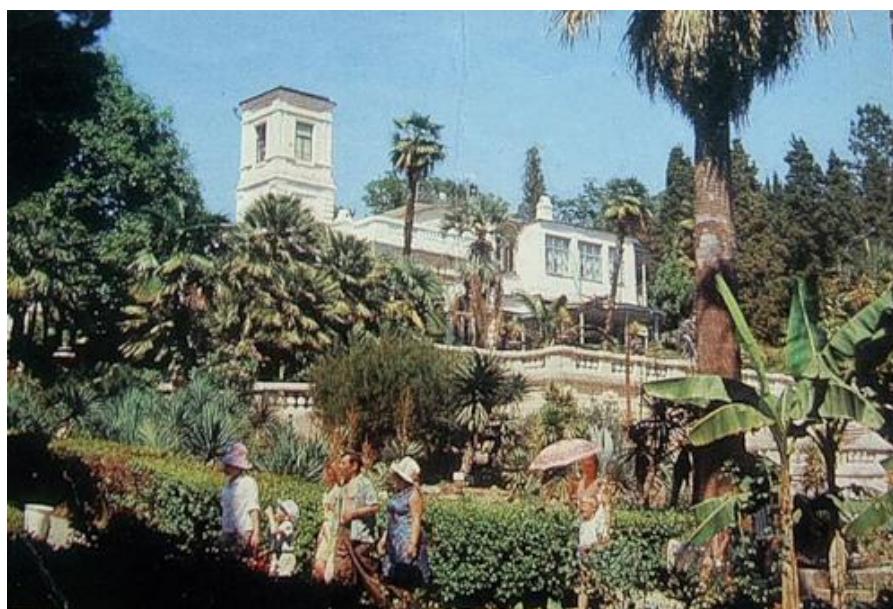
- Мы гуляли вчера и видели их на качелях, ну, вы знаете!

- Да-да, конечно. Ну, и как наша пара?

- Ой, да, что вы! Они раскрутили их сразу.

Высокая дама с пониманием улыбнулась и пожелала мне успеха..

Городские качели на площадке аттракционов в парке были местом популярным. Обычно катавший детвору днем, знаменитый аттракцион пользовался высоким спросом по вечерам у взрослых и был известен под названием «Качели любви». Массивная железное сооружение представляла собой тяжелую лодку, в которой стояли два человека и раскачивали ее до вращения на 360 градусов. Конструкция не переворачивала людей вниз головой, и люди оставались стоять по ходу всего движения, лишь раскачивая качели своими движениями. Хитрость состояла в том, что раскачать лодку на полный оборот могли только люди определенного веса своими точно скоординированными движениями. Ни подростки, ни дети при всем желании не достигали успеха, любой сбой в гармоничном движении взрослых участников также тормозил, и за оплаченные три минуты катания шанс сделать полный оборот был только у сильных молодых пар, чьи совместные усилия были безупречны. Не знаю, была ли такая цель у конструкторов, но на «качели любви» в хостинском парке по вечерам всегда стояла очередь исключительно из взрослых. Молодые и не очень парочки устраивали тест своей физической совместимости под доброжелательное крики зрителей. Чужой успех встречали громкими поздравлениями и аплодисментами, а «неудачников», не успевших раскачать лодку на весь оборот, весело подбадривали и желали удачи.

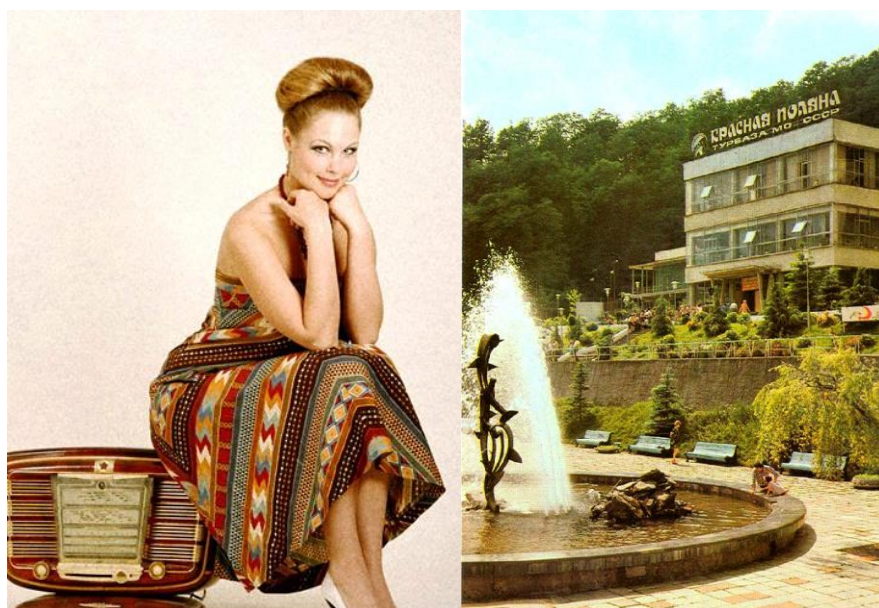
Кавказ, 1970-е годы, по материалам Интернета.

В тот вечер народу было чуть меньше, и Ирина загорелась попытать счастья. Я согласился, однако, тяжелая на вид «лодка» вряд ли была легким снарядом. Когда, наконец, мы встали в узкое металлическое пространство, я, честно, засомневался в успехе. Ирина резко присела, я сделал то же самое, и

тяжелые качели стали двигаться. «Еще! Сильней!», я раскачивал изо всех сил, как вдруг, взмыв вверх, «лодка» провалилась в непривычную для качелей сторону, и через гул движущегося металла я услышал аплодисменты публики где-то внизу. «Еще!», закричала девушка, и мы легко взмыли вверх, раз за разом описывая круги в воздухе...

- Хорошая девушка!- кивнул мне грузин-аттракционщик, когда мы с чемпионскими поздравлениями выходили через загородку детского парка аттракционов. Мы очень гордились своим маленьким «семейным» рекордом, потому что очень мало кто мог раскачать «качели любви» с первого раза...

8

Кавказ, 1970-е годы, по материалам Интернета.

... - Ничего, я с тобой пойду, подожду на улице! Тебе хорошо есть надо...

Я прекрасно знал, что спорить бесполезно. Тонкие губы Ирины вытянулись, лицо приобретало неприступное выражение, что было сигналом твердого и непреклонного отказа. Она была права, она была как всегда права, и мне оставалось только с этим согласиться. «Семейное» существование требовало жертв.

Я потянулся за своей рубашкой, когда вдруг увидел, что по пляжу к нам идет Лена собственной персоной. Мужские головы повернулись в направлении видной женской фигуры в красивом пестром платье в предвкушении приятного зрелища. Подружки не было с нами с утра, однако, ее выходное платье, распущенные по спине волосы и босоножки на каблуках вряд ли подходили для пляжной компании. Ирина поднялась, и когда Лена подошла, между ними произошел тот мимолетный, безсловный диалог, на который способны молодые женщины.

Это был тайный шифр полувзглядов и полужестов, незаметный для окружающих, которыми обмениваются подружки между собой в присутствии посторонних. Они стояли близко друг к другу, смотрели прямо в глаза, и только руки незаметно двигались, подтверждая невидимые мысли. Диалог продолжался секунды три, но, очевидно, все было сказано, и Лена с царственным видом, что Арсен (?) приглашает всех на гору Ахун (?). Прямо сейчас. Я вопросительно уставился на Ирину, удивленный приглашением от вечно молчавшей подружки, когда девушка неожиданно согласилась.

Нелюдимость и тихая покорность подружки беспокоили Иру. Что греха таить, она сама притащила симпатичную, молодую подружку в Хосту в надежде найти подходящую компанию. Когда появился я, Елена была не очень нужна, но без своей старшей подружки девушка была неспособна найти себе друзей. Попытки вытащить ее одну на танцы или в бар не увенчались успехом, и вскоре у моей милой знакомой повисли на шее двое – молчаливая красавица Лена, за которую она несла полную ответственность, и я, с удовольствием принявший на себя роль непритязательного, курортного «супруга». Мысль о том, что Ленка спокойно спала одна все ночи дома, когда мы с Ирой облазили все ночные закутки Хосты, не давала покоя, и, в конце концов, Ирина поставила жесткий ультиматум: или Ленка находит себе любовника, или пойдет спать одна в парк... Подобные условия показались мне жестокими, но я старался не вмешиваться в их отношения, и появившийся на горизонте «Арсен» был встречен более, чем доброжелательно...

Жизнь 1970-х. По материалам Интернета.

Маленький, круглый армянин с лысеющей головой и густой растительностью на руках был вежлив и по-кавказски галантен. Наше с Ириной появление он принял на удивление радостно, пригласив всех в ярко-красный Москвич-412, стоявший на ближайшей улице к пляжу. Не Мерседес, но по тем временам вполне достойно. Елена царской походкой подошла к машине и остановилась в ожидании, пока армянин, достигавший ей до плеча, не бросился открывать дверь. «Ого!», с удивлением переглянулись мы с Ирой, приготовившись к интересному шоу.

Наша красавица брала свое! Откинувшись на сидении, Лена властным жестом приказала трогать, Арсен лихо рванул по тенистым улицам, и по манере вождения я понял, что дело имели мы дело с настоящим профессионалом. «Он водитель бензовоза!», шепнула мне Ирина, и я даже успокоился, хотя, о том, что может выделывать настоящий джигит на дороге в компании такой девушки, как наша русоволосая «русалка», можно было только догадываться. «Хочу мороженого», детским капризным голосом пропела Ленка, и машина помчалась обратно в город.

«Приспичило!», Ира прижалась ко мне на заднем сидении «Москвича» и прошептала на ухо: «Пусть Ленка поиграет...»...

Гора Ахун, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Доблестную историю красивой башни на горе Ахун я не знаю до сих пор. Наше посещение исторического сооружения в августе 1978 года не позволило мне внимательно послушать экскурсовода или, хотя бы, почитать туристические плакаты. Бросив машину на стоянке, мы сразу направились в сторону шашлычного мангала под деревом, от которого исходил нестерпимо вкусный голубой дымок. Наверно, многие читатели заметили, что на Кавказе шашлык всегда вкуснее, хотя, возможно, что это всего лишь курортная иллюзия, но устоять от желания вцепиться зубами в душистый кусок жареного мяса было очень трудно. Возле мангала стояла плотная очередь из отдыхающих самого различного вида, человек тридцать, которые молча и терпеливо наблюдали за манипуляциями шашлычного «хозяина» - достаточно молодого, здорового абхаза с густыми усами и грязным фартуком. Хозяин приговаривал, жонглировал шампурами и даже что-то напевал, играя на голодную и бедную публику, словно он был в горах один, сильный и свободный, как «горный орел». На черном, кривом мангале, в россыпи пепла и искр, раздуваемых куском грязной фанеры, доходили благоухающие шашлыки, те самые, которые тускло стоящие в жаркой очереди пляжники с блаженством вспоминали весь холодный год у себя дома. *«Ну, шашлыки там! Обьеденье! Мы такие шашлыки*

ели – молочный барашек!!»... На горе Ахун готовились шашлыки двух сортов: одни по-меньше, с маленькими кусочками мяса, но их было больше, другие, сочные, с большими кусками мяса, аккуратно покоились в стороне от обжигающего жара: «доходили» для специальных клиентов по особой цене.

Наше появление в районе мангала очередь встретила молчаливым неодобрением. Маленький, смешной армянин пошел договариваться, а я, как всегда, остался со своими дамами, на которых дружно пилилась вся очередь, без ошибки вычисляя, кто есть кто. Ни у кого не было сомнения, что появившаяся группа таких же бедных пляжников, как они сами, под предводительством местного товарища грозила им только одним – несколько возжеленных шашлыков уйдут «налево», и им предстоит дольше наслаждаться песнями общепитовского джигита. Арсен что-то сказал шашлычнику, на что «хозяин» посмотрел на нас и сально хохотнул. Армянин, несколько не смущаясь свидетелей, протянул ему фиолетовые 25 рублей, от вида которой мужики в очереди мрачно насупились. Я бы тоже насупился, если бы не предвкушал настоящий пир на эти деньги! Торчать на глазах голодной очереди было противно, хотя, в душе я полностью был с ними согласен. При виде нашего, говоря современным языком, «спонсора» все становилось ясно любому, и в особенности мне хотелось спрятаться куда-нибудь от осуждающих взглядов советской общественности.

Мы спустились вниз, в тенистую расщелину у подножья горы, когда Арсен приволок вино. «Черные глаза»! Ирина радостно всплеснула руками, потому что этот сладкий, душистый портвейн был настоящей курортной роскошью. Возможно, в нем ничего не было необычного, но за ним гонялись, его искали, и даже платили большие деньги, в разумных, естественно, ценах.

Вкус Кавказа. По материалам Интернета.

...Ревани мы взяли позже, на знаменитом озере Рица, куда поехали с Иркой своим ходом на автобусе, прихватив с собой знаменитые «Черные глаза» и полкило докторской колбасы с хлебом, так, на всякий случай. В тот день знаменитое озеро встретило отдыхающих полным отсутствием мяса и почти полным отсутствием вина. Расположившись за столиком на самом видном месте, мы поставили бутылку посередине и, не торопясь, смаковали курортное лакомство. Каждый второй проходящий турист при нашем виде скучнел лицом, и поборов стыдливую зависть, подходил с деликатным вопросом. Ирина принимала расслабленную позу миллионерши на отдыхе, выглядывала из-под шляпы и голосом великого одолжения вещала: «Нет, это мы с собой привезли. Из Хосты!..»

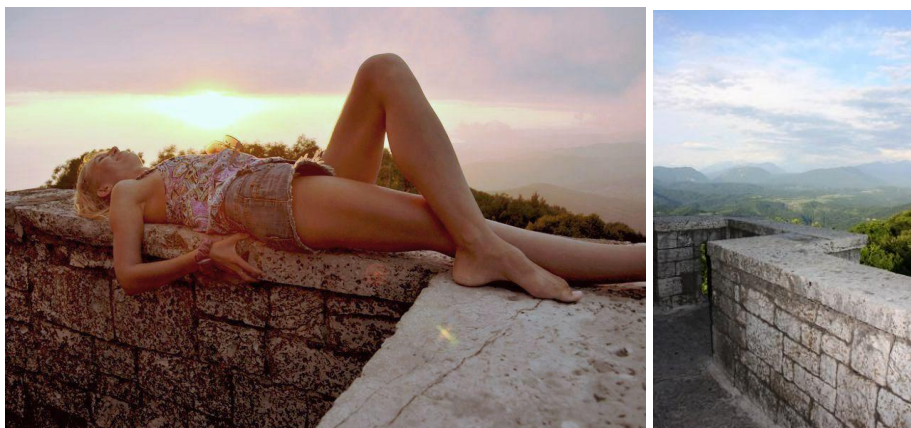
Это звучало так, как будто речь шла, по крайней мере, о Ницце. Очередной мужик с досадой возвращался к своим, стоящим в сторонке, дамам, чтобы рассказать печальную весть, а Ирка раздражалась уничтожающим смехом, на что женщины смотрели на нее очень нехорошо...

Субтропический лес в районе горы Ахун. По материалам Интернета.

Стараясь не показаться банальным, скажу лишь, что таких шашлыков я не ел никогда! Огромные, двухкилограммовые шампуры были полны нежнейшего мяса, которое вместе с массой кинзы и другой незнакомой зелени составляли неповторимый букет. Девушки не скромничали, и под одобрителный взгляд Арсена и шашлыки и вино пошло на славу. Армянин даже предложил сбегать за водкой, но мы дружно отказались, потому что спиртное однозначно нарушило бы гармонию в животе.

Арсен побежал относить большие подносы обратно колоритному шашлычнику, а мы направились в сторону самой башни, ради которой многочисленные туристы терпят длинный путь в жарком автобусе. На высокой площадке башни было действительно хорошо. Тот, кому пришло в голову построить это старинное сооружение на вершине горы, был несомненно прав. Во все стороны открывался замечательный вид: с одной стороны вдалеке за зелеными холмами простиралось блестящее на солнце море, а с другой – вдалеке возвышались горы главного Кавказского хребта, за которым в тенистом ущелье бежала горная, холодная речка Терскол... но, я тогда еще не ведал о месте моего нового, зимнего приключения...

Смотровая площадка горы Ахун. 2000-е годы. По материалам Интернета.

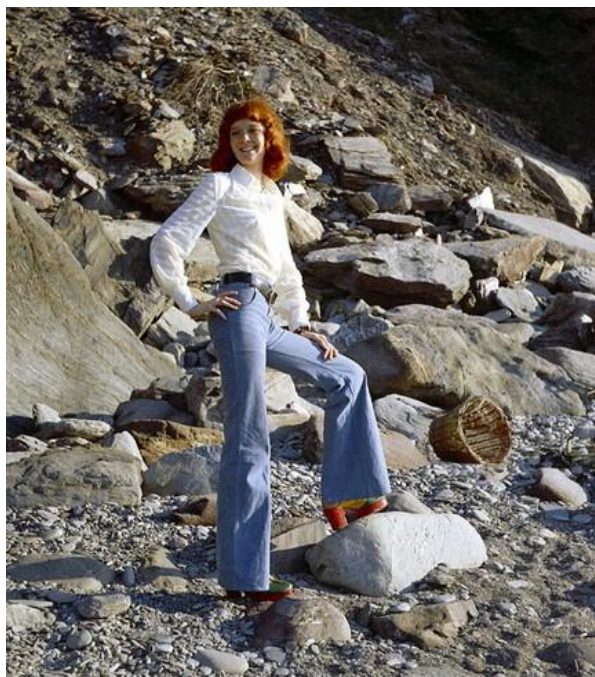
На площадке было пустынно, и, естественно, романтическое место способствовало возвышенным чувствам. Ирина повисла на мне и легким движением села на широкий бортик площадки. С ума сошла! Я стащил ее обратно, и, прижав спиной к шершавому вековому камню, приступил к поцелуям.

Вы помните, как реагировали люди на любовную парочку? Заслышав голоса поднимающихся по лестнице туристов, мы не убегали, и обычные: «Ой, Валь! Какая красота!.. Ай, Петя иди скорей сюда!!..» обрывались на полуслове, при виде нас в углу парапета, в состоянии глубокого, нерасторжимо поцелуя. Женщины смущенно замолкали, а мужики, не удержавшись от оценивающего взгляда на изящную партнершу, бубнили и уводили свое семейство на другую сторону площадки. Игра нас забавляла – Ирка втискивалась в очередную группу туристов, повисала на мне, и, когда группа неожиданно решала идти вниз, хохотала, уткнувшись мне в грудь лицом.

Порезвившись на башне, мы спустились вниз, где наша «сладкая парочка» уже томила в ожидании. Никто никогда не узнает, какими еще историческими местами хотел нас удивить гостеприимный Арсен, когда его красный «Москвич» резво направился по серпантину дороги куда-то вглубь субтропического леса. Движения не было, и армянин лихо гнал машину на поворотах. Я посмотрел на Ирину, которая держалась за спинку сидения с напряженным лицом, и первое, что пришло мне в голову, что девушку укачало, что было неудивительно после такой бешеной гонки. Однако, я оказался не прав. Смотря куда-то вперед, Ирина сильно схватила водителя за плечо и громко крикнула: «Сворачивай!». Бедный армянин сильно крутанул руль вправо, мы упали на заднем сиденье, а «Москвич» с железным лязгом подскочил на придорожных камнях и на большой скорости запрыгал на каменистой калее, уходящей вниз к полувысохшим горным лугам. Наконец, машина подпрыгнула последний раз и остановилась в клубах белой, горной пыли. «Иди, туда!», изменившимся голосом крикнула моя подруга, и «сладкая парочка» испуганно подчинилась, быстро исчезнув на опушке горного склона...

... Задняя дверь «Москвича» открылась, и Ирина твердой уверенной походкой пошла вниз по камням. «Ненормальная», подумал я, когда увидел, что она ушла, как есть, в одном пляжном сарафане на голое тело, босиком, по

острым камням и бесчисленным колючкам, устилавшим древние кавказские луга. Боли, вероятно, девушка не чувствовала...

Мода 1970-х, по материалам Интернета.

... Я открыл глаза, и почувствовал, как тело сонно отозвалось ушибленными местами, растянутыми конечностями и саднящей щиколоткой. Я взглянул на часы: я проспал 18 часов... В памяти всплыло вчерашнее приключение на горе, и я мысленно улыбнулся.

Мужчины любят хвалиться своими любовными рекордами, но про приключение на горе Ахун в 1978-ом году я старался не рассказывать. По одной простой причине – все равно не поверят, и реальная история пойдет, как обычный пьяный анекдот. Никогда после я не приближался к своему рекорду: то ли старше стал, то ли партнерши были благоразумнее, но, поверьте, в 19 лет можно творить чудеса! Совершенно неожиданно воспоминания страстного randevu имели продолжение...

Я увидел Ирину сразу. Она сидела одна в своем пестром сарафане на полу-пустом вечернем пляже, обхватив руками колени, и задумчиво смотрела на море. Ее лицо закрывали большие модные очки, а локоть был плотно залеплен пластырем. Девушка печально улыбнулась и повернулась к морю, что говорило о плохом настроении. Она остановила меня, и, продолжая смотреть вперед, заговорила тихим голосом.

- Знаешь... я.. хотела извиниться.. за вчерашнее. Ну,... понимаешь, на меня нашло снова...

Она сделала паузу, нахмурила лоб и продолжала.

- Это... бывает, я консультировалась... такое бывает. Раньше не было, потом... когда Ритка родилась, на меня нашло... не могу ничего сделать...

Знаешь, я познакомилась с парнем, там... в Питере, давно это было, ну, и... знаешь, тяжело это... в общем, мы расстались, я консультировалась... Извини...

Я с интересом слушал это признание, и единственно, что пришло в расслабленную голову, это шутка.

- Не фиг себе! Да, вы у нас девушка с «темпераментом»?! От вас по-дальше надо? А, может, вы сбежали откуда? А, мы, тут, знакомимся, под пальмой гуляем, понимаешь??

Ирина сняла очки и благодарно улыбнулась. Усталые глаза с легкой тенью стали улыбаться, но в углах рта дрожала печальная нотка. Она молча показала мне колени и ступни сильно, как у подростка, намазанные зеленкой.

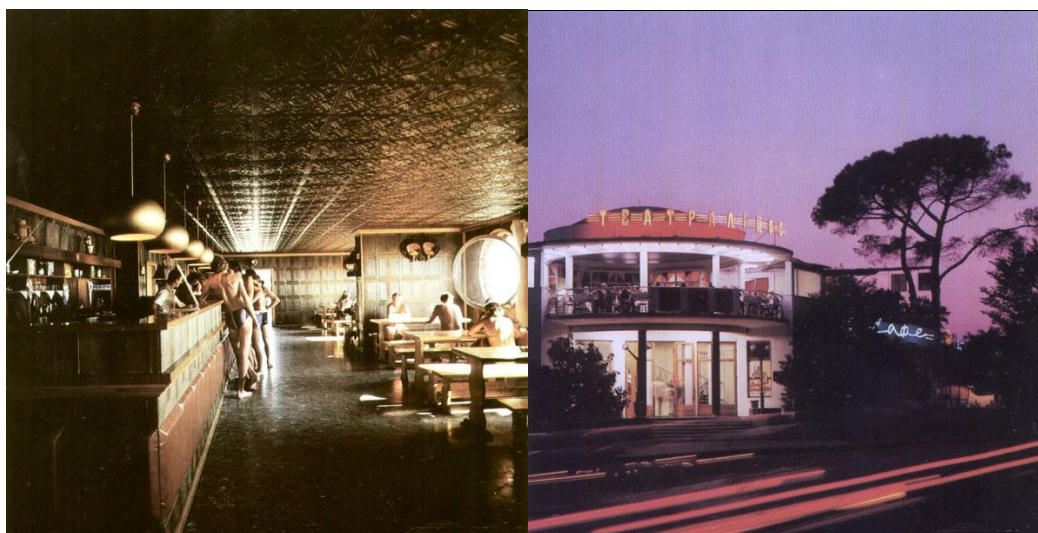
- Может, вас привязывать надо по ночам? Изолировать??...

Наконец девушка рассмеялась и уткнулась мне в плечо. Народ почти разошелся, мы никому не мешали, и приобнял ее за плечо, вдыхая запах светлых волос, которые, как мне казалось, еще пахли душистой высокогорной травой. Смех неожиданно прекратился, и я отчетливо услышал всхлип. Ну, вот, началось! Я не мог переносить женские слезы и не мог себе представить свою такую взрослую и сильную подружку плачущей.

- Ты... хороший... - услышал я тихий голос, от чего мне тоже захотелось расплакаться из чувства умиления к самому себе.

Ира подняла на меня глаза полные слез и обняла с такой силой, что все растянутые мышцы моего тела отозвались одновременно, напоминая, что вчера, сам того не ведая, я выдержал очень важный экзамен, после которого любые жизненные препятствия на пути к семейному счастью этой женщине покажутся мелочью...

10

1970-е годы. Фото из серии «Сочи – советский Лас-Вегас». По материалам Интернета.

Дома я неожиданно застал своего соседа – немолодого азербайджанца по имени Исмаил. Седоватый, усатый бакинец мне нравился своими мудро-наивными рассуждениями и напоминал смешных героев фильма «Мимино». Он часто приезжал в Хосту летом подлечиться, и со своими разговорами о Мацесте, мне, девятнадцатилетнему, по сути, «тинейджеру», еще совсем не старый

кавказец казался стариком. Исмаил был южному богат, не скуп, имел многодетную семью в Баку и даже был членом Верховного совета республики. Приезжая на курорт, он не швырялся деньгами на пол под звуки лезгинки, а предпочитал солидный отдых в компании «хорошей жэнишины».

Мы сразу нашли общий язык, и Исмаил искренне сочувствовал моим переживаниям в первые дни. Так же, как и я, бакинец мудро полагал, что настоящий отдых на побережье мог быть только при наличии «хорошей дэвушки». Когда «дэвушка» нашлась, Исмаил встретил нас в парке среди гулявшей курортной публики, был невероятно говорил витиеватые комплименты со смешным акцентом и целовал Ирке ручку. Дома он поздравил меня с находкой, долго улыбался в усы и цокал языком, из чего было ясно, что Ирина ему очень понравилась. Самому Исмаилу не везло: «жэнишина» по возрасту и калибру все никак не находилась. Я тоже желал ему удачи, и вскоре азербайджанец пришел домой очень поздно. Мы виделись редко, ибо он придерживался более правильного распорядка и не гулял по пол-ночи в парке, и у долго меня не было возможности поздравить его с удачей. Когда мы все-таки увиделись бакинец принял мои поздравления как-то вяло, и я понял, что наметившаяся связь его чем-то беспокоила. Кавказец долго не решался, но все-таки решил поделиться своими сомнениями.

...Некая Татьяна, достаточно молодая русская курортница, отдыхала в Хосте «дикарем». Она была одна, что очень подходило солидному бакинцу, ибо бороться с группой ревнивых подруг он не собирался. Кавалер был щедр, походы в ресторан были, как положено, обставлены по полной программе, не в пример нашим памятным шашлыкам на камнях горного ущелья. Они стали встречаться, но очень скоро аппетиты «одиноким» пляжницы стали расти. Кроме ежедневных шикарных заходов на ужин она стала требовать больше. Когда они сидели в ее комнате, Татьяна открыла шкаф и вытащила нарядное платье, попросив Исмаила его купить для нее. Бакинец был совсем не против подарка, однако, цена в 200 руб и платье, вытасченное из собственного шкафа, якобы принадлежавшее «подруге», ему не понравилось. Усатый кавалер, конечно, заплатил, в чем вопрос, но осадок остался. Они продолжали встречаться, Исмаил платил, но удовольствия, делая подарки, он уже не испытывал...

1970-е годы. Фото из серии «Сочи – советский Лас-Вегас». По материалам Интернета.

Я застал своего соседа в вечерней рубашке и брюках, печально сидевшего на кровати. Исмаил о чем-то тяжело думал, покачивал головой и приглаживал усы. Он расстроено смотрел на меня, словно, прикидывая, готов ли я к разговору. Я не подгонял, прекрасно зная, что он сам все мне расскажет и так. Немолодой бакинец снова покачал головой, вздохнул еще раз и заговорил со своим смешным кавказским акцентом.

- Слюшай, вот... Ты маладой парен, да? Ты знаешь, вот, такую хорощую дэвушку встретил, да... Слюшай, почему она так, а?..

Я спокойно пропускал причитания, ожидая, что скоро он подберется к сути. Было ясно, что его ненаглядная Татьяна опять обидела ухажера. Исмаил собрался с мыслями, посмотрел на меня и стал рассказывать.

А случилось следующее: в очередной раз притащившись к даме домой на свидание, он обнаружил ее слегка выпившую в веселой компании молодых мужчины и женщины, которых он никак не планировал увидеть. Исмаил пытался уйти, но Татьяна потащила его за стол, представляя гостям, как своего галантного кавалера. Незнакомый русский мужчина, ровесник его подружки, стал наливать азербайджанцу водку, от которой он настойчиво отказывался. Компания пила и веселилась, и бедный Исмаил все никак не мог уйти. Разговор за столом стал напрягаться, по пьяному делу гости перешли на личности, и Татьяна запальчиво заявила, что тот мужик за столом вообще-то ее муж...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета.

Переварить такое азербайджанец не смог и стал решительно прощаться, понимая, что больше он туда не придет, на что его драгоценная возлюбленная предложила переключиться на подружку, которая очень не против. Это прозвучало, как пощечина, и Исмаил вернулся домой рано, тяжело переживая свою потерю, в которой он был не виноват.

- Слюшай, да... зачем она платье то брала, зачем согласилась, если муж есть, а? Нэ понимаю!... Слюшай, эта подруга! Она, знаешь, совсем не подруга, вот!... Слюшай, почему русские жэнщины, а?...

Я молчал, потому что ситуация была вполне ясная. Бедного кавказца просто, говоря современным языком «кинули» по-крупному. Но, дело даже не в деньгах – он перестал доверять своим «жэнщинам», наверно, до самой смерти.

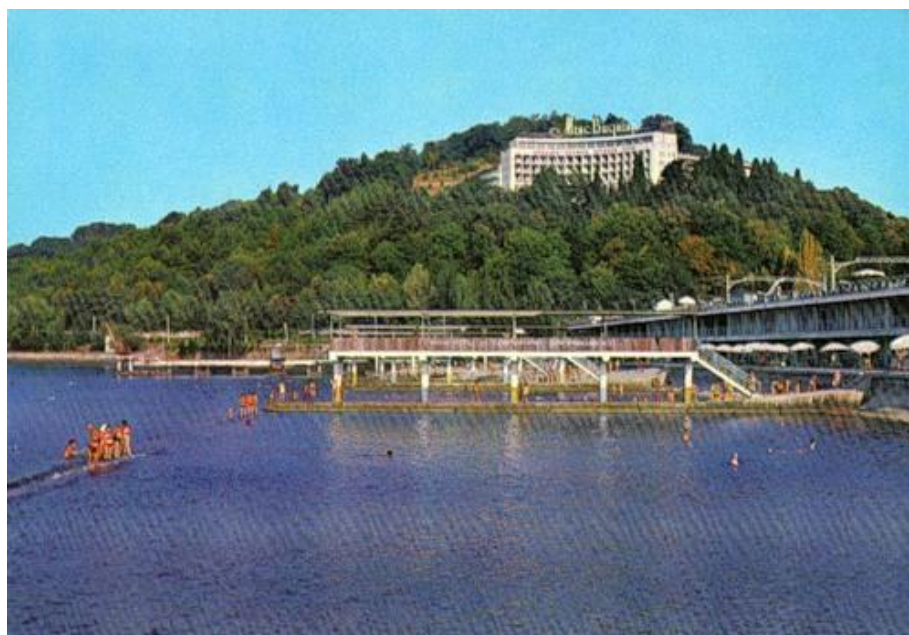
Ситуация была двусмысленной, хотя, защищать некую Татьяну я совсем не собирался. Исмаил посматривал на меня, вздыхал, понимая, что, говоря о русских вообще, он, возможно, задевал меня, но я молча слушал и не перебивал. Наконец азербайджанец успокоился, пригладил усы и неожиданно предложил коньяку. Пить мне не хотелось и я предложил перенести на потом, хотя, прекрасно видел, что Исмаилу чертовски хотелось загладить неловкую ситуацию. Он снова распустил густые с сединой усы, крикнул, как будто решившись на что-то важное, и заговорил уже спокойным голосом.

- Знаешь, семья дэло такое... Вот, ты встретил дэвушку, сразу видно – хорошая дэвушка!..

«Хорошая дэвушка», эх, Исмаил, не то слово! Еще какая! Только, сложно все это. Я умышленно не говорил соседу, что Ирина была замужем, у нее ребенок, оставляя образ своей изящной спутницы неомраченным в представлении смешного азербайджанца.

-..Семья... иногда так тяжело бывает...История одна была..

Исмаил сделал паузу, словно, вспоминал события и лица, снова вздохнул и поведал мне следующее...

Хоста, 1978 год. По материалам Интернета.

... Благородная семья уважаемого мужчины, солидного главы семейства была хорошо известна в Баку. К середине 1970-х жизнь в городе была вполне современной и богатой, в особенности у элиты. Герой рассказа, немолодой и состоятельный азербайджанец, имел все, что полагалось: богатый дом, семью, уважаемую должность и даже членство в республиканском правительстве. В семье росла единственная дочь, четырнадцатилетняя восточная красавица, чьим воспитанием и образованием прилежно занимались состоятельные родители. Девочка посещала разнообразных частных преподавателей, щедро оплаченных из кошелька родителей.

Когда все в жизни есть, всегда чего-нибудь не хватает. Глава семьи, благополучно содержа любовниц, как и многие его уровня, захотел большего. По кавказской традиции особенно ценились молодые девственницы, за которых в Баку платили очень большие деньги. Связавшись с нужными людьми,

мужчина разместил свой заказ и стал ждать. Вскоре ему позвонили и сообщили адрес, по которому он явился в указанное время. В квартире, специально оформленной для встреч, на кровати его ожидала его собственная дочка в соответствующем наряде...

Как выяснилось потом, девочка стала пропускать свои многочисленные частные уроки, однако, никто не решался беспокоить важных родителей. Когда семиклассница стала пропускать школу, то позвонили домой, но было уже поздно..

Не моргнув глазом, папаша полностью расплатился с содержателями притона за беспокойство, вернулся домой, переоделся, помолился, и, не дрогнув, зарубил свою единственную дочку топором на пороге дома, когда она вернулась домой, ничего не подозревая...

Случай всколыхнул весь город. Обсуждение советских канонов в преломлении древних традиций Азербайджана шли долго. Правительство требовало принять новые законы и наказать виновников. Подпольную сеть поставщиков живого товара арестовали удивительно быстро, вероятно, о ней все прекрасно знали и успешно пользовались. Бедную девчонку хоронил весь город. Следствие показало, что на момент смерти она была полной девственницей и в борделе находилась под действием наркотиков. Справедливости ради следует сказать, что шансов выжить у школьницы не было: после первого «свидания» девочки просто исчезали, так как, их «подбирали» из хороших семей, а уровень клиентуры не позволял оставлять свидетелей. Убийцу-отца отдали под показательный суд и приговорили к колонии строгого режима, из которой он вряд ли вышел живым. Да, и зачем уже было выходить!...

Сочи, 1978 год. По материалам Интернета.

...Исмаил замолк, и я увидел, как немолодой мужчина страдает. Его лицо выражало вековую печаль, скорбь по невинным жертвам, оказавшимся между страстью, традицией, долгом, законом и человеческой молвой. Было ясно, что убийцу он знал лично, и, вероятно, с ужасом представлял себя на его месте. Пораженный печальной историей, я молчал, не зная, что сказать. В семидесятые

годы советская пресса не баловала граждан перестроечной «чернухой», и криминальные истории ходили в виде слухов, которые часто выглядели неправдоподобными. Рассказ Исмаила был живой болью, поведенный, если не участником, то свидетелем происшедшего. Герой рассказа, извращенец и убийца, в представлении моего соседа явно не был преступником до конца, он был жертвой. Жертвой собственных противоречий и особенностей кавказской жизни, которая никогда не была легкой...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета.

... Я закончил пересказывать, Ирина сидела распрямившись, через темные очки уставившись в море.

- Убила бы своими руками!..

Тихий голос заставил меня вздрогнуть, и я на секунду представил себя в виде жертвы в руках этой хрупкой, но поразительно сильной женщины. Нет, лучше не представлять...

Курортная жизнь, наполненная скоротечными, жаркими романами и печальными расставаниями имела одно преимущество. Люди встречались, заводили порой даже вполне серьезные отношения, женились и разводились у себя дома. Это все случалось потом, в далеком Челябинске, пыльном Барнауле или туманном Ленинграде, и почти никогда дела семейные, тем более конфликты между неверными супругами, не имели место на курорте. За два сезона в Хосте я ни разу не слышал о бурных «разборках» на семейной почве под кронами волшебного южного парка. Более того, даже обычная юношеская конкуренция за приглянувшуюся девчонку не перерастала в драку или конфликт, все решалось мирно: вероятно, девушек было предостаточно.

Мы с Ириной наслаждались курортным «медовым месяцем». После последних откровений лед недосказанности растаял совсем, и я полностью был уверен, что мы действительно стали близки. Мне не хотелось думать о будущем, и мы старательно обходили печальную тему, чтобы последние дни отпуска не омрачать предвкушением разлуки. Однако, мне предстояла еще одна неожиданная встреча.

...Мои отношения с московской школьной подругой продолжались уже несколько лет. Безобидные школьные ухаживания переросли в нечто большее, и Марина, выбранная мной еще в школе, действительно стала мне дорога. Роман между мной, курсантом, живущим в казарме, и юной московской студенткой, протекал медленно и безобидно, что и неудивительно при абсолютно разном стиле нашей жизни. Я не убыстрял события, прекрасно понимая, что ранний брак не принесет удачи, а усложнение моего положения наличием серьезных брачных обязательств в девятнадцать лет меня явно не устраивало. Предложение жениться, высказанное мной Марине, к сожалению, в тот момент было продиктовано больше банальным желанием близости, а не желанием превратиться в мужа, с вытекающими последствиями.

Я старался быть честным, и ни в коем случае не допускал мысли кому-либо изменять. Моя поездка в Хосту не была тайной, и, стараясь быть лояльным нашим долгим отношениям, я пригласил Марину поехать в Сочи вместе со мной, совсем не надеясь, правда, на положительный ответ. Девушка, естественно, отказалась, но адрес своего курсовочного проживания я, все же, оставил. По моему мнению, я сделал все, что полагалось делать верному ухажеру, чтобы сохранить свое имя в глазах Марины и ее матери, которая вряд ли видела меня перспективным женихом...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета.

Погода испортилась, и из жаркого, душного марева моросил теплый дождь. Толпа пляжников растеклась по «бродвею» в поисках еды и

развлечений, и мы с Ириной стояли под деревом и размышляли, как провести этот день. Бессмысленно скользя взглядом по пляжной толпе, я машинально остановился на стройной женской фигуре возле автоматов с газированной водой. По достоинству оценив фигуру, я поднял глаза, и увидел длинные русые волосы, убранные наверх...

Удар был настолько сильным, что я пришел в себя только после того, как Ирина затащила меня за угол и сильно прижала к стене ларька, чтобы я не упал. Она подумала, что со мной случился сердечный приступ, так-как я смертельно побелел и не реагировал на ее вопросы. Кровь прилила к голове, и я разразился гневными тирадами. Я страшно испугался... испугался, как застигнутый за преступлением подросток, жизнь которого висела на волоске.

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета

Как? Почему? Зачем она приехала?! Мы договорились!.. упреки ослепляющего гнева затмили мою голову, и я полностью потерял лицо. При упоминании женского имени Ирина медленно, но решительно отстранилась, мягко похлопала меня по груди и тихо сказала, опустив голову.

- Тебе надо с ней увидеться.

- Еще чего! Не буду я с ней видеться!.. Зачем? Мы все потом обсудим!...

Я привлек Ирину к себе, но она также решительно отстранилась, и взглянув на меня лицом со знакомым неприступным выражением и также тихо произнесла.

- Хорошо, я пойду с тобой.

Ну, только этого не хватало! Вплетать драгоценную Ирину в свои московские дела я не собирался! Я решительно отказался от ее «помощи», и отправился домой в дурном расположении духа, стараясь представить последствия приезда моей московской подруги. Как и ожидалось, дома меня ожидала записка, написанная знакомым почерком Марины, с предложением встретиться,... если я захочу. Этим «если захочу» было сказано все: я тут же понял, что приехала она с мамой, и что мой курортный роман они уже видели... А, черт! Гнев не проходил, я все больше чувствовал себя застигнутым мужем в

постели с любовницей, после чего рушиться все. В глубине души я понимал, что мы все свободны, у нас не было официальных обязательств, но чувствовать себя героем американской комедии, когда посреди «мальчишника» верная невеста застаёт жениха без штанов и он кричит: «Дорогая, это совсем мне то, что ты думаешь!», было невыносимо.

Мне не приходило в голову винить Марину за коварный приезд: я полностью взвалил вину на ее мать, которая прекрасно понимала, чем я занимался в Сочи. Простой, ненавязчивый визит с целью напомнить о себе сработал прекрасно: сосуд добрых отношений разбился вдребезги, и собирать осколки мне предстояло очень долго...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета

Встреча с Мариной, короткая и жестокая, состоялась на следующий день. Я горячился, бросал обвинения, даже упрекал ее в непорядочности, хотя в душе все сжималось, когда я видел перед собой ее печальное лицо и милый, знакомый носик, облупленный под горячим сочинским солнцем. Девушка молчала, стойко выслушивая беспочвенные обвинения и только грустно качала головой, и в какой-то момент ее покачивания сильно напомнили мне Ирину, которая печально ждала меня на соседней улице... Дьявольское сходство неожиданно остановило меня, я замолчал, и смотря на Марину, понял, что наступил момент выбора.

Как я ненавидел выбор! Зачем? Почему?? За что??? Почему я должен выбирать между этими милыми и абсолютно непохожими девчонками?! А, может, очень похожими? Настолько похожими, что выбора, собственно, никакого и не было?? Я окончательно запутался, скомкал встречу и пообещал позвонить в Москве.

...Тридцать лет после описанных событий я был твердо уверен в своей правоте. Удобное положение «обиженного» не предполагало рассматривать другие мнения. Мне и в голову не приходило, что Марина могла захотеть увидеть меня и приехала в Хосту по собственному зову сердца. Наверно, я не

хотел в это верить, потому что, разорваться тогда пополам просто было невозможно...

Легкую фигуру Ирины в летнем сарафане я заметил издали. Я решил пройти, чтобы успокоиться, и подошел к месту встречи с другой стороны. Девушка не видела меня, и вся ее фигура выражала тяжелое, скорбное ожидание. Видеть ее такой было невыносимо, я быстро подошел и обнял ее сзади. Гибкое тело вздрогнуло, напряглось, и я ощутил ее взгляд, полный вопроса и ожидания. Я не отвечал, и затащив ее за толстые стволы деревьев, нежно поцеловал. Ее тело постепенно расслабилось, она долго обнимала меня, но вопросов не задавала.

- Ну, что, пойдём? – наконец отозвалась Ирина и посмотрела на меня глазами, полными благодарности, потому что оставшиеся дни нашего курортного счастья полностью принадлежали ей...

12

Неудачную встречу с Мариной мы больше не вспоминали, и моя московская подружка и все, что было с ней связано, было спрятано в темный угол души, где уже находились многие вещи. По негласному согласию мы не упоминали возраст Ирины, *(24 года! Да, она не выглядела на двадцать!)*; ее дочку, *(какая дочка? Кто ее видел, и вообще, как у этой молоденькой девчонки могла быть дочка!?)*; ее профессию.

Ах, да, профессия!...

...На третий день нашего знакомства я великодушно решил отказаться от роскошного обеда и разделить судьбу тысяч пляжных «дикарей» в поисках пищи. В обеденное время мы втроем направились на хостинский «бродвей», где находилось сразу несколько точек незамысловатого пляжного общепита. Время было горячее, и в жарком полумраке советского кафе, пропитанном кухонным чадом и криками поварих, мы встали в конец длинной голодной очереди. Дети хныкали, кто-то шумел на кассе, недовольный сдачей и обслуживанием, однако, очередь двигалась довольно шустро. Дойдя до раздачи, Ирина молча подхватила два мятых алюминиевых подноса, и, ни слова

не говоря, стала ставить на них тарелки, придирчиво выбирая блюда. Я сообразил, что второй поднос предназначался мне и уже потянулся за приглянувшейся котлетой, но моя новая знакомая решительно перехватила мою руку и, улыбувшись, поставила на мой поднос гуляш, который она пристально рассматривала и нюхала. Когда мы дошли до кассы, за которой царила колоритная дама с решительным, красным лицом, Ирина стала расплачиваться, жестом остановив мои попытки достать кошелек. Быстро прощелкав кассу, «краснолицая» сунула сдачу и сделала томное лицо. Ирина открыла маленькую ладонь, секунду смотрела на россыпь мелочи, и так же быстро протянула руку кассируше. Работница общепита привычно сделала глубокий вздох, чтобы выдать приготовленную порцию оглушительного хамства, но, вдруг, застыла, загнипотизированная пристальным взглядом моей спутницы. «Краснолицая» громко выдохнула, щелкнула кассой, и в руку девушки были брошены несколько монет обчисленной сдачи. Я подхватил свой поднос и за спиной услышал, как могучая кассириша обрушила благородный гнев на следующего посетителя.

Я страшно не любил ходить с подносом в толпе, где каждый только и норовил двинуть тебя локтем по роже или смести драгоценный обед на пол. Я застрял быстро, и лишь на расстоянии увидел свою знакомую, которой толпа в столовой совсем не мешала. Ирина встряхнула белыми волосами, изящно изогнула стан, подхватила поднос на вытянутую руку и, ловко обтекая препятствия, двинулась в дальний угол, где наметился свободный столик. Если бы не цвет волос, то тонкая фигура в цветастом пляжном сарафане, вьетнамках и с тяжелым подносом, летевшем выше голов, своими потрясающими, балансирующими движениями могла бы поспорить с грациозными африканками. Цирк закончился, но мы с Ленкой еще долго продирались через толпу, неуклюже стараясь донести свой обед до стола. Ирина ловко подхватила наши тарелки, по-царски разложила мятые вилки, и довольная приготовилась есть, когда заметила мою восторженную физиономию. Девушка просто посмотрела на меня и тихо сказала: «Я же официантка».

Кто?? Официантка??!! Мое лицо честного советского человека, «единодушно одобрявшего», «гневно осуждавшего» и требовавшего наказать любого, кто вопреки «решениям» «кое-где у нас порой» не хотел честно жить, высказало все само. Испуганно-ошарашенная мина не успела смениться чем-либо пристойным, когда Ирина быстро посмотрела на меня и горько усмехнулась.

А-а-а, черт тебя подрал!!! В первый раз я проклял себя за бестактность, но сказать мне было нечего. Ирина молчала, из Ленки слова не вытянешь, и я, насупившись, стал поглощать свой гуляш. С трудом я вспомнил, что в первую ночь нашего знакомства она действительно мне рассказала о себе, но я пропустил все мимо ушей по вполне понятным причинам. Мне неожиданно стало ясно, почему девушка так пристально выбирала блюда общепита, а наглая кассирша, которая по идее должна была размазать хрупкую пляжницу бронбойным хамством, неожиданно сникла под пристальным взглядом представительницы своего избранного клана...

Как бы то не было, но наше совместное, курортное хозяйство только выиграло. Все заботы по ведению бюджета, оплате расходов и развлечений, включая ресторан, я передал Ирине, которая делала это неоспоримо умело. Гипнотические переговоры с кассиршами и официантами уже не удивляли меня: нам всегда приносили только хорошие блюда, шепотом советовали что-нибудь не заказывать, и, главное, не корчили мне брезгливую рожу, когда хрупкая блондинка доставала кошелек. Девушка точно выбирала вина и прекрасно знала меру, и я прекрасно знал, что отправиться плохим обедом или перебраться за столом мне просто не грозило...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета

... Юная судьба двадцатичетырехлетней лениградки Ирины, увы, была банальна. Воспитанная матерью, хрупкая, русоволосая девочка после восьмого

класса пошла в кулинарный техникум, который, вероятно, выбирался по принципу советской «доходности». Училась Ира хорошо и всерьез задумывалась о поступлении в институт, как, вдруг, неожиданно, в 18 лет выскочила замуж за какого-то своего школьного приятеля, (*вот они – ранние браки!*). Молодой союз распался быстро, и через год она осталась одна с дочкой на руках... Все надежды на институт рухнули разом, и еще через год Ира пошла работать на должность тяжелую, но сытую – официанткой.

Естественно, новую работу девушка не рассматривала всерьез и надолго: надо было временно прокормиться, но... как известно, ничего не бывает более постоянного, чем временное. Дочка росла, в доме появились какие-то деньги, и привлекательная блондинка стала задумываться о своем личном счастье. Однако, ей не везло, и к моменту поездки в Сочи, куда ее, просто, насильно отправили ленинградские подружки, Ирина была абсолютно свободна, с душой, жаждавшей любви и телом, полном нерастраченной ласки. Вот, так, сам того и не подозревая, я пригласил на полутемной танцплощадке города Хосты женщину, наполненную такой накопленной силой, что наверное бы сам удивился.

- Ну, и как? потанцевал? - любила шутить Ирина, вспоминая наше знакомство, и заливалась веселым смехом...

А профессию моей партнерши мы никогда не обсуждали, потому что говорить, что *все работы хороши*, было неправдой, а убеждать, что с институтом все еще получится - было некорректно...

Хоста ночью. 2000-е годы. По материалам Интернета.

...Яркая, южная луна медленно поднималась над черной водой, разливая холодное сияние мерцающей лунной дорожкой. Свет был настолько ярким, что, казалось, можно было читать без фонаря, но это была иллюзия, ибо расстояния и предметы были обманчивы, и весь мир проваливался в голубое, лунное зазеркалье. Мы любили ночь, когда от яркого ночного светила гасли острые кавказские звезды, время останавливалось, и весь мир принадлежал только нам.

Все чаще мы забирались на любимую скамейку на самой вершине парка, откуда луна казалась совсем рядом, а человеческий, суетной мир трудностей и досадных предрассудков оставался внизу, откуда тихо слышна была музыка и мерцали далекие огоньки.

Ирина привычно устроилась, положила голову на мое плечо и, поджав коленки, задумчиво смотрела на лунное светопретставление. Наш отпуск подходил к концу, мы больше молчали, стараясь не разрушить драгоценные мгновения, проведенные вместе. Но, жизнь продолжалась, и невольно мы мысленно возвращались к делам домашним. Я чувствовал, что девушка все чаще вспоминает свою дочку, по которой страшно соскучилась, да, и мне все чаще вспоминались скучные казарменные будни. Как я ни старался, изящная блондинка с ребенком, сомнительной профессией и ленинградской пропиской никак не вмещалась в мой скудный курсантский быт.

Но в глубине души шевелилось совсем другое. Я старался избегать громких слов, и называть свое чувство высоким словом не хотелось, вероятно, под давлением тех же человеческих предрассудков. Нашел мать-одиночку на курорте? Чувство? Это после казарменного воздержания?? Нет, все не то! Она была, но меня там не было. Убеждение самого себя работали плохо, я каждый раз заходил в тупик, прекрасно понимая, что любое признание вслух окажется для моей молодой жизни роковым.

- Ты, знаешь, я не люблю тебя..., - неожиданно вслух сказал я, и душа сжалась от жестокой, несправедливой мысли.

- Я знаю, - моментально отозвалась Ирина, и я проклял себя за несдержанность. А, черт! Она снова читает мои мысли!

Я не стал продолжать, чувствуя, что наши мысли движутся параллельно, и, на самом деле, мы чувствовали совсем другое. Ирина не подгоняла, она оставляла решение за мной, деликатно обходя щекотливые обстоятельства, от чего ситуация становилась еще сложнее. Но, решения не было, и мы так и остались в том зазеркальном, лунном мире, без проблем и забот, в тени волшебной субтропической рощи...

Сочи. 2000-е годы. По материалам Интернета

... Веселье неожиданно смолкло, вино было допито, и поцелуи остыли когда наступил тот критически-печальный момент нашего прощания, который я оттягивал всеми силами. Я смотрел на девушку, стараясь запомнить ее навсегда в узких клешеных джинсах и сиреневом, затянутом на изящной фигуре батником, именно такой, какой я увидел ее в тени хостинской танцплощадки ровно двадцать дней назад. Мы сидели в баре адлеровского аэровокзала в ожидании моего вечернего рейса на Москву, о посадке на который уже объявили по радио. Ирина задумчиво водила пальцем по краю бокала и отрешенно смотрела куда-то в окно, когда я отчетливо услышал первый всхлип. «Все, началось!»

Аэропорт Адлер, 1970-е годы. По материалам Интернета..

- Знаешь, я билеты сдала, завтра улетаем.., - бесцветным голосом сказала девушка и быстрым движением смахнула слезу.

- Как, завтра!? Зачем? У вас еще целых четыре дня! Отдохнете, покупаетесь еще.

Ирина пристально посмотрела на меня грустным взглядом и стала копаться в сумочке в поисках платка. Она вытерла слезы и задумчиво продолжала.

- Нет, я здесь больше не смогу... Тяжело... Потом я по Ритке соскучилась ужасно.

- Нет, подожди, - мучительно соображал я, вспоминая наш вчерашний плотный день. – Когда сдала? Мы же вчера вместе были?

- Я Ленке поручила, она и сдала, - снисходительно, как на ребенка, посмотрела на меня собеседница, от чего внутри зашевилось пустое чувство, как будто меня обманули.

- ... потом, знаешь, провериться надо, а то, мы совсем тут голову потеряли! - Ира через силу улыбнулась и снова взялась за свой платочек.

Неприятная догадка пронзила, как молния. «Как? Она не сказала! Конечно, чего еще...»

- Слушай, ты... может... я не знаю... ты не..? – весьма беспомощно лепетал я, как, впрочем и полагалось девятнадцатилетнему юнцу, впервые

попавшему в сложную ситуацию. Ирина посмотрела на меня с легким сожалением и, нахмурившись, смотря куда-то вдаль, ответила, шмыгнув носиком.

- Нет, нет. Нет там ничего... Но, все равно надо провериться...

«Блин! Только этого не хватало!», запаниковал я, и настроение испортилось окончательно. Разговор замер, и я уже открыл было рот, чтобы подбодрить свою подругу и напомнить, что у нее есть адрес, что я напишу, и вообще..., когда над головой гулко зазвучало второе объявление о посадке на мой рейс. Ирина деловито встала, откинула волосы привычным движением, и бодро бросив: «Все, тебе пора!», схватила мою сумку и деловито направилась в сторону посадки.

У выхода на мой рейс уже никого не было, и только худая, высокая стюардесса вопросительно смотрела на припозднившихся пассажиров. Ирина бросила мою сумку на пол и, встав прямо передо мной одарила таким поцелуем, от которого пробежала дрожь по позвоночнику. Нервы были на пределе, и я почувствовал, что сейчас разразиться истерика, которой я еще не видел, и собрался с силами, чтобы как-то пошутить, когда девушка мягко отстранилась от меня, и голосом без малейшей тени сарказма или вины, тихо сказала:

- Привет твоей подруге...

Такого я никак не ожидал! Беспочвенный упрек, простой и жестокий, ослепил меня неожиданной, незаслуженной пощечиной, давая время моей самой дорогой в тот момент женщине повернуться и уйти. Я застыл в обескураженной позе, физически ощущая, что с каждым мгновением Ирина растворяется в пространстве, безвозвратно и глупо. Со временем я понял, что она сделала это специально, рубанула по-мужски, болезненно, но благородно, давая возможность мне самому решать по своему усмотрению, не навязывая свой мир. В тот момент я был в состоянии сладкой эйфории, и достаточно было одного слова вслед удаляющейся фигурке в клешеных джинсах, и я бы остался там навсегда, в чужой, незнакомой жизни, в чужом доме, воспитывая чужого ребенка, разделив проблемы не очень устроенной жизни хрупкой, белокурой ленинградки...

Сочи, 1970-е годы. По материалам Интернета

Я резко повернулся и, сжав зубы, проклиная себя за неловкую сцену, протянул стюардессе билет. Молодая, полноватая женщина, возможно, не первый раз наблюдала подобные прощания, но, вероятно, таких, как наша, было немного. Она простила мне задержку, со вздохом вернула посадочный талон и, подняв рацию к лицу, печально с легким южным акцентом сказала: «Все, Наташ, можно закрывать!»...

14

... Самолет все никак не трогался, и сквозь голубоватое стекло иллюминатора я смотрел на южные деревья вдаль, мучительно представляя, что сейчас делает Ирка. Тяжело! Ситуация получилась, как и ожидалась, простая и мучительно безвыходная, в которой очень не хотелось оставаться виноватым. Глухо хлопнула дверь самолета, и по проходу на виду всего салона проследовала интересная процессия. Впереди, пытаясь от усилий, прошли два стюарда, изо всех сил тащившие два огромных, белых, пластиковых чемодана. Огромные чемоданы внутри салона вызвали недоумение, я посмотрел на обладательницу замечательного груза, идущую сзади, и вздрогнул от неожиданности.

По проходу, вслед за стюардами, шла Ирина собственной персоной, с которой я распрощался пятнадцать минут назад, в каком-то фантастическом белом наряде, прижимая носовой платок к заплаканным глазам. «А, черт! Не она!.. Уф!».. Молодая женщина убрала руку, и я понял свою ошибку. Нет, не она, но как похожа! Просто наваждение!

Пассажиры прекратили разговоры и, как один, уставились на пассажирку, из-за которой, вероятнее всего, и задержали рейс. Изысканная, белокурая блондинка даже среди расслабленных курортников выглядела заморской инопланетянкой, обительницей частного итальянского курорта, принесенной волшебной силой на борт надежного советского Ту-154 в городе Адлере. На девушке были какие-то невероятно широкие снизу и затянутые сверху белоснежные брюки, немыслимый тонкий жакет цвета нетронутого снега и что-то фантастическое на голове из длинных светлых волос, зачесанных в высокую прическу, куда были вплетена белая, шелковая косынка и бесчисленные ожерелья с камнями, которые качались при каждом шаге.

Ожерелья продолжались и по телу волшебной феи, кокетливо подчеркивая ее талию, шею и запястья. На каждом пальце девушки сверкали перстни, и вообще она выглядела, как заснеженная, наряженная елка посреди сочинской жары. Смотри на нее, хотелось верить в существование больших, белых дворцов, драгоценных вин и красных, плоских Феррари...

Весь салон продолжал пялиться на «белоснежку», оценивая ее драгоценные камни и представляя неизвестного обидчика шикарной девушки, когда я, подумав про деньги, неожиданно понял, что произошла катастрофа. Отвлекаясь на лирическое прощание, Ирка забыла отдать мне деньги... По привычке все деньги нашего «семейного» курортного бюджета были у нее, которые тратились планомерно и разумно. В аэропорту по понятным причинам мы про деньги не говорили, и в результате я сидел на борту рейса Адлер-Москва без единой копейки, с трудом представляя, что я буду делать вечером в аэропорту Внуково. Побираться или звонить родителям я не собирался, но ситуация была критической. «Блин! Допрыгался!..» Настроение было испорчено окончательно...

Внуково, 2000-е годы. По материалам Интернета.

...Самолет остановился на стоянке возле московского аэровокзала Внуково, и самые нетерпеливые пассажиры уже топтались в проходе. Мне торопиться было некуда, и я продолжал сидеть на своем месте, прикидывая разные варианты своего спасения. Среди выходящих пассажиров экзотической «белой» девушки видно не было, и я уже забыл про нее, когда неожиданно в пустом салоне за спиной раздался тихий женский голос.

- Извините!..

Я повернулся и застыл от неожиданности, ибо неизвестно откуда в проходе стояла та самая «белоснежка», в упор смотря на меня бездонными и неуловимо знакомыми голубыми глазами.

- Вы не можете мне помочь... с чемоданами? - тонким голосом сказала она, и я мог поклясться, что даже безрукий согласился бы помогать, сколько бы смог.

- Да, конечно!

С трудом, как под гипнозом, ответил я, и «белоснежка» снова посмотрела на меня тяжелым, немигающим взглядом. А, черт! Легкомысленное согласие «помочь» я оценил быстро, когда оказался один на один с двумя чемоданами-монстрами килограммов по сорок каждый. Хозяйка не подгоняла и не стояла над душой, пока я таскал ее багаж, и к тому времени, когда я,

обливаясь потом, притащил ношу на стоянку возле аэровокзала, все пассажиры нашего рейса уже благополучно покинули Внуково. «Господи! Что она там возит!? Золото, оружие или... трупы любовников!».

Мы остались одни, «Белоснежка» подошла ко мне вплотную, слегка поблескивая своей драгоценной прической «а-ля Людовик XIV», и прямо смотря мне в глаза с неуловимой властной интонацией тихо спросила:

- Что я могу для вас сделать?

В глубине голубых глаз запрыгали до боли знакомые смешинки, от которых у меня мурашки пошли по телу. Простой вопрос неожиданно прозвучал сказочным выбором любого желания. Я машинально отскочил от белой гипнотизирующей фигуры, и, вдруг простая мысль промелькнула в голове.

- Знаете... мне неудобно... я все деньги потратил там... в Сочи, и... – замаявшись начал лепетать я, когда белоснежная фея одарила меня (*нет, я уже точно это знал!*), иркиным смешливым взглядом, знакомым жестом вытащила из сумки деньги, и, поправив привычным движением несуществующую прядь волос, молча протянула мне красную «десятку», на которую я мог прожить в Сочи целую неделю.

- Я отдам! Сразу, как приеду! Дайте мне ваш телефон... – «белоснежка» остановила меня царским жестом, и я понял, что телефон фея мне вряд ли даст. Да, есть ли вообще «телефон» у феи? Она повернулась и, сверкая камнями на теле, молча пошла к неизвестно откуда взявшемуся в наступавших сумерках такси. Сзади она настолько была похожа на Ирину, что мне стало не по себе.

- Садитесь! Я могу подвезти до Москвы.

Москва, 1970-е годы. По материалам Интернета.

«До Москвы» прозвучало странно, как будто добрая волшебница ехала куда-то дальше, о чем мне знать не полагалось. Москвичи в такой ситуации обычно говорили «до Сокола» или до «Юго-Западной» или, в крайнем случае, «до кольца», но «белоснежка» ехала именно **до Москвы**, как будто ее очень попросили завернуть именно туда...

Белая фигура остановилась у машины, и фея вопросительно смотрела на меня. Мне неожиданно захотелось схватить ее в объятия и погрузиться в ее бездонные глаза, чтобы еще раз вернуться туда – в душистый мрак волшебной сочинской ночи... Искушение было велико, но я почувствовал, что приключений мне в тот день уже хватило.

- Нет, спасибо!..

Изящная фигура исчезла в машине, окошко открылось, и в воздухе показалась тонкая рука, которая наповторимым «королевским» жестом махнула мне на прощанье, сверкнув драгоценными перстнями...

Сочи, автовокзал, 1970-е годы. По материалам интернета.

Я никому никогда не рассказывал о странной «белой» девушке, справедливо предполагая скептические взгляды. Я не верил в сверхъестественную чушь, но встреча с «белоснежкой» запомнилась мне надолго. Я никогда не узнаю, кто была та заплаканная красавица и почему она выбрала меня для переноски тех проклятых чемоданов, когда в самолете было полно мужиков и посильнее, но складывалось все подозрительно точно. И просьба, от которой не мог отказаться, и работа, которую я посчитал достойной оплаты, и сама фея, до боли напоминавшая мою оставленную любовницу... Фея появилась по моим расчетам ровно тогда, когда Ирина, дойдя до сочинского автобуса, вспомнила о деньгах. Мне не хотелось верить в чудеса, но, кто их знает, этих женщин! Кто они сами, и кому они продают свою душу – вообще неизвестно!..

... Пробегаящий за стеклом автобуса вечерний подмосковный лес слился в одну темную полосу. Усилием я старался не заснуть, но в туманном сознании проносились какие-то отрывочные фразы, хрупкая фигурка в джинсах, достающая кошелек, неестественно синие раскрытые глаза и дурманящее сияние кристаллических гирлянд в потемневшем мире...

Я проспал до самой Москвы, сошел в районе «Аэропорта» только после того, как меня растолкал ворчащий водитель автобуса. Мой организм полностью отключился, и немного позже мне потребовался серьезный отдых в госпитале, чтобы отойти от своего бурного черноморского приключения, после которого я потерял восемь килограммов веса и заработал приличное истощение.

Послесловие

Я давно подбирался к этой теме, но все, как ни крути, счастливого конца у истории не получалось. Наша переписка с милой ленинградкой, поначалу достаточно активная, благополучно зачахла через год, когда неожиданные приключения 1979-го года закружили меня совсем в другую сторону. Письма Ирины А., написанные аккуратным, мелким почерком, были ровными, доброжелательными и сдержанно нежными, за которыми трудно было увидеть живого человека. У меня было такое ощущение, что девушка нарочно не тревожила меня мелкими повседневными заботами, (кто знает, может, и не такими мелкими!), и предоставила мне достаточно времени для серьезного, зрелого решения.

Свое окончательное решение, которого, возможно, так ждали от меня, я принял через три года после описанных событий, сделав предложение молодой москвичке, с которой я счастливо прожил тридцать лет. Неосознанно я остановил свой выбор на женщине с очень знакомым спокойным и сильным характером, которая в молодости даже внешне отдаленно напоминала белокурую Ирину, у которой *«прабабка была финкой»*.

Можно уверенно сказать, что, если бы я не встретил в 1978 году героиню своего курортного романа, которая, вполне возможно, успела испытать серьезное чувство, то мой жизненный выбор не был бы таким простым. Так, что, дорогие читатели, вот вам и обещанный «хэппи-энд»!

Мои отношения со школьной подругой, вполне естественно, сильно осложнились после той хостинской встречи. Я довольно самоуверенно считал себя обиженной стороной, что в любых отношениях с женщиной является началом конца. Моя перспектива службы на Дальнем Востоке ее никогда не привлекала, (но, говоря откровенно, за это я никогда ее не упрекал), и наши отношения довольно скоро сошли на нет. Марина прожила свою московскую «перестроечную» жизнь без меня, превратившись сегодня в роскошную даму с внешностью, о которой могут только мечтать многие женщины... Я очень благодарен Марине за то, что сейчас мы можем вполне по-дружески общаться, вспоминая нашу юность.

Сегодня через Интернет я нашел многих своих знакомых, но, к сожалению, свою Ирину из Ленинграда я так и не нашел. Очень хочется верить, что ее жизнь сложилась хорошо, и, возможно, я еще услышу в своей жизни ее тихий, спокойный голос, который был мне так дорог.

По материалам Интернета.

Сидней 2011 год.